

Советская внешняя политика и НКВД СССР в мае 1939 — июне 1941 гг.: новая тактика или стратегический просчет?

А. В. Мальгин*

Статья посвящена внешней политике Советского Союза накануне и в первые годы Второй мировой войны. Автор не только рассматривает советскую дипломатическую стратегию в указанный период, но и описывает ситуацию в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) и анализирует результаты действий, предпринятых СССР на международной арене.

Ключевые слова: Советский Союз, Германия, Великобритания, Франция, Польша, Народный комиссариат иностранных дел, М. М. Литвинов, В. М. Молотов, дипломатия, переговоры.

Keywords: The Soviet Union, Germany, Great Britain, France, Poland, the People's Commissariat of Foreign Affairs, M. M. Litvinov, V. M. Molotov, diplomacy, negotiations.

К 1939 г. Версальско-Вашингтонская система международных отношений фактически завершила свое существование, пройдя через несколько сменявших друг друга этапов. Эти этапы не всегда были синхронны на двух основных политических театрах тогдашнего мира — «европейском» и «дальневосточном».

Общий контекст международной ситуации

Очевидно, что период с 1918 по 1922 г. характеризовался становлением основных политико-правовых механизмов нового миропорядка, которые оказались излишне статичными и потребовали изменения в следующий период (1922–1931), который характеризовался тем, что ни один из участников мировой системы не был готов сломать вооруженным путем хрупкий status quo. Нарастание напряженности на Дальнем Востоке, условный отсчет которому может

быть положен 1932 г., а также последовавший в 1933 г. приход нацистов к власти в Германии влекут за собой, соответственно, разрушение Вашингтонского порядка и нарастание нестабильности в Европе.

Это четко осознают в Советском Союзе. В отчетном докладе ЦК ВКП (б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. в разделе «Обострение международного политического положения, крушение послевоенной системы мирных договоров, начало новой империалистической войны» И. В. Сталин приводит «перечень важнейших событий, положивших начало новой империалистической войне». Констатируется, что «в 1935 г. Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 г. Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 г. Япония, после захвата Маньчжу-

* Мальгин Артем Владимирович — советник ректора МГИМО, к.полит. н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, член российско-польской Группы по сложным вопросам.

рии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 г. Германия захватила Австрию, а осенью 1938 г. — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 г. Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань. Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения...»¹.

Последовательно осуществленные (при попустительстве западных демократий) гитлеровским режимом ремилитаризация Рейнской зоны, аншлюс Австрии и реализация Мюнхенскогоговора привели не просто к ревизии, а к настоящему слоу установлений Версаля. Это способствовало, прежде всего, ослабеванию самих западных демократий, прежде всего континентальной Франции. Эти потери кратко суммировал советский полпред в Париже Я. З. Суриц в телеграмме в Москву: «О том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз». Даже вчерашние поклонники политики умиротворения «уже усвоили ряд непреложных и... неприятных истин, а именно, что:

1. Германия при помощи Франции без единого выстрела увеличила свое население больше чем на 3 миллиона человек и сейчас довела его до размеров, больше чем в два раза превышающих население Франции;
 2. Германия увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс. км²;
 3. получила в подарок ряд высокооборудованных фабрик и заводов и важнейшие отрасли минеральных богатств;
 4. захватила в свои руки линию укреплений, которая всегда рассматривалась как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе;
- и что одновременно Франция:
- а) лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе,
 - б) лишилась армии, которая в военное время могла быть доведена до 1 млн — 1,5 млн человек...
 - в) что Франция растеряла сейчас всех своих союзников, надорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника»².

Вывод, содержащийся в последнем пункте, оказался ключевым. Именно он в значительной мере и составлял значительную долю советской мотивации к изменению внешнеполитического курса весной-летом 1939 г.

Объективно к 1939 г. «дальневосточный очаг» будущей мировой войны затеняется бурным развитием событий в Европе, на которых концентрируется преимущественное внимание мировой и советской дипломатии. Именно в 1939 г. Советский Союз становится непосредственным участником интриги по

окончательному слоу старого порядка. Однако это участие мотивировалось не желанием разрушать, а стремлением не быть погребенным под неудачно падающими обломками Версаля. Эта задача могла быть решена, в частности, через незамедлительное создание максимально широкого и подконтрольного СССР лимитрофного «пояса безопасности». Где-то это получалось сделать относительно элегантно, как в случае с прибалтийскими государствами, а где-то пришлось идти на явный сговор с будущим врагом, как в Польше. В отдельных случаях соответствующие усилия наталкивались на совершенно иное понимание ситуации национальными правительствами, чьи страны попадали в «зону безопасности» СССР и одновременно в зону интересов западных демократий или государств «Оси» — как в случаях с Финляндией и Балканами. Особо ярким и наиболее успешным вариантом формирования «пояса безопасности» стала географическая «переадресация» агрессора на другое направление, как это произошло с Японией, которая, испытав мощь советского оружия в событиях на Хасане и Халхин-Голе, в последующие годы сосредоточилась на китайском, индокитайском и тихоокеанском театрах.

Период 1939–1941 гг. традиционно характеризуется как этап поиска европейскими государствами коалиций или сознательного дистанцирования от них. Другими словами, это было время поиска наиболее «удобных» сценариев включенности в разворачивающийся мировой конфликт. В том, что таковой случится, не сомневался никто; другое дело — с какими позициями та или иная страна в него войдет. Значительное количество, казалось бы, непоследовательных шагов, разнонаправленных внешнеполитических акций в тот период было подчиненно именно этой цели — поиску.

Утрата старых политико-правовых основ международного поведения порождала невиданный цинизм всех участников международных отношений. Как говорил И. В. Сталин в цитированном выше докладе «Война создала новую ситуацию в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности»³. Парадоксально, что все это было порождено угрозой со стороны всего трех государств — Германии, Японии и Италии, — но национальный эгоизм других участников этих исторических событий не позволил эффективно воспрепятствовать реализации агрессивных планов⁴. И это при том, что даже сама тройка агрессоров не была монолитной. Так, Италия все свои реальные внешнеполитические задачи поставила и решила к середине 1939 г. Внутренний же характер итальянского режима оставлял широкие возможности воздействия на его внешнюю политику как со стороны Лондона и Парижа, так и со стороны Москвы. Другой участник оси — Япония — глубоко увязла в китайско-маньчжурских проблемах. Реально динамичным агрессором являлась только Германия, где жесткая

национал-социалистическая идеология служила инструментом консолидации режима и общества, из которого к 1939 г. были вырваны все элементы серьезного противления гитлеризму.

Советская внешняя политика в этот период была подчинена двуединой логике — страна готовилась к войне и вместе с тем старалась оттянуть во времени непосредственное вовлечение в конфликт. В отличие от Великобритании и Франции, «умиротворивших» А. Гитлера Рейнской зоной, Австрией и Судетами, то есть разрушившими Версальские установления, СССР пошел на сговор с Гитлером в ситуации гораздо более высокой военной угрозы собственной территории, в период лучшей подготовленности Германии к войне. Другими словами, мотивация ничуть не менее циничных, по сравнению с поведением Лондона и Парижа, действий Москвы, объективно была более резонансной, более серьезной. Официально задачи СССР в области внешней политики ставились следующим образом:

- «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами мира (в т.ч. с Германией);
2. Соблюдать осторожность и не дать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками...»⁵.

Это говорилось 10 марта 1939 г. Но уже к лету того же года Германия на деле была выведена за скобки, а неудовлетворенность поведением «миролюбивых» западных демократий отлита в обвинительную формулу о том, что «Англия и Франция... стоят за продолжение войны и против заключения мира»⁶.

Замена М. М. Литвинова на В. М. Молотова — символ перехода к другой внешнеполитической тактике, которая в итоге обернулась стратегической ошибкой. Предыдущая ставка на создание системы коллективной безопасности в Европе слишком долго не приносила ярких, видимых результатов, что и неудивительно, так как любое кропотливое дело не может сопровождаться перманентными и громкими триумфами. Более того, когда Мюнхенским сговором был сломан один из немногих уже созданных, реальных механизмов системы коллективной безопасности — договорная «связка» Париж — Прага — Москва, — политическому руководству СССР не хватило выдержки продолжить и в новых усилиях формировать систему коллективной безопасности с опорой на западные демократии. Можно сказать, что И. В. Сталину не хватило выдержки (очень редкий, впрочем, как и роковой, для него случай!), он «запаниковал» и принял одновременно вынужденное, хотя, как казалось, тактически элегантное, решение о сговоре с агрессором, которое впоследствии оказалось стратегической ошибкой. Вместе с тем стоит отметить, что был период (с марта по август 1939 г.) попыток совместить две линии игры — взаимодействие с Великобританией и Францией и наращивание взаимодействия с Германией. Но здесь определенную

негативную роль сыграли и сами англо-французы, которые, не увидев в этой игре элемент шантажа, сбавили обороты в нахождении компромисса с Москвой. Сталин пошел на контакт с Берлином, тем более что контакты с гитлеровским режимом и даже сговоры с ним — это сценарий, который первыми опробовали западные демократии. Рассуждения о моральных соображениях сталинского руководства, впрочем, как и руководства любой другой европейской страны в тот период, неуместны — слишком малую роль играли эти соображения для самих лидеров той эпохи.

Ошибкой сталинского руководства было не только и не столько сближение с Германией, тактический характер и временную ограниченность которого в Москве прекрасно понимали (хотя и ошибались в сроках), сколько нежелание, в сочетании с неумением, наладить эффективное взаимодействие с британцами и французами в 1940 — начале 1941 г., сделать советский нейтралитет в начале войны более «позитивным» по отношению к Лондону и Парижу. А это было бы вполне уместно, когда СССР уже обеспечил себе пояс безопасности за счет западных украинских и белорусских земель, за счет Прибалтики и приграничных территорий Финляндии. Москва же продолжала играть в азартную игру с Берлином, смысл которой теперь, после важных территориальных приобретений, заключался в том, чтобы путем взаимных стратегических поставок лучше обеспечить себя для будущей войны друг против друга. Территориальный аспект во втором тайме этой игры разворачивали с успехом для себя только Германия и милостиво «приглашенная» Италия. Румыния, Венгрия, Болгария, Югославия — вот приобретения «Оси». Вторым тайм разворачивался на фоне германской подконтрольности скандинавских «нейтралов» и поверженных стран Западной Европы, где самая прискорбная доля была отведена Франции.

У Москвы же выбор потенциальных союзников оставался небогатым: Великобритания в связке с США или дальнейшая интрига со странами «Оси». Как представляется, со второй половины 1940 г. Советский Союз возвращается к «перевернутому» сценарию марта–августа 1939 г. С одной стороны, продолжается сотрудничество с Германией и даже обсуждаются выгодные параметры присоединения к Тройственному пакту. С другой стороны, Москва начинает восстанавливать контакты с Великобританией и присматриваться к США. Очевидно, что вся игра вокруг и с Тройственным пактом была построена на старой идее — получить выигрыш во времени и оттянуть войну. А может быть — даже предотвратить ее. Другое дело, что этот выигрыш, наверное, уже не казался И. В. Сталину столь очевидным, как в августе 1939 г., да и советский вариант сговора с агрессором становился все более сомнительным в целом. Слишком большие военные и экономические силы вращали дипломатическую машину Германии, при том что сохранялся ее идеологический стер-

жень — расширение *Lebensraum*⁷ «арийских» народов. Любой здравый человек в советском руководстве понимал, что почти миллионные силы вермахта по периметру СССР явно избыточны для контроля над поверженными территориями и готовы к дальнейшему походу на восток.

Смена руководства и ситуация в НКВД

То, что привело В. М. Молотова на пост наркоминдел, кажется достаточно полно исследованным и аргументированным. Однако не только смена внешнеполитического сценария, отказ от коллективной безопасности и переход к сближению с Германией могут служить объяснением этого кадрового решения И. В. Сталина. Очевидно, что М. М. Литвинов был чуть менее психологически приемлем для Германии, но так же очевидно, что и он вполне мог быть исполнителем новой внешнеполитической линии. Более того, при этом Литвинов бы не забывал напоминать Сталину о существовании Великобритании, Франции, США, как это делали в 1940–1941 гг. полпреды его школы — И. М. Майский, К. А. Уманский и в несколько меньшей степени Я. З. Суриц.

Дополнительным объяснением смены руководства НКВД могут быть внутренние аппаратные мотивы. Положение В. М. Молотова в органах высшей государственной власти к 1939 г. оказалось странным. Он был номинальным руководителем правительства, а реальным предсовнаркома являлся И. В. Сталин. В то же время вполне равновесные Молотову по авторитету и влиянию на вождя деятели руководили отдельными сферами экономики: Л. М. Каганович, возглавляя НКПС, фактически контролировал весь транспорт и тяжелую промышленность; А. И. Микоян руководил не только НКВТ, он также курировал внутреннюю торговлю, пищевую промышленность и, отчасти, сельское хозяйство; К. Е. Ворошилов и другие выжившие после репрессий маршалы (С. К. Тимошенко, С. М. Буденный) контролировали сферу обороны; вопросы госбезопасности находились в руках сверхэффективного Л. П. Берия; на идеологическом и организационном направлениях партийной работы сосредоточились Г. М. Маленков и А. А. Жданов. При этом во все усложнявшемся экономическом блоке возникали новые импонирующие Сталину фигуры — И. В. Тевосян, Н. А. Вознесенский, М. Г. Первухин, Б. Л. Ванников, Д. Ф. Устинов. Разумеется, Молотов понимал, что, оставаясь на высшем посту без реальных функциональных полномочий, он может превратиться в своего рода второго М. И. Калинина. Возглавив НКВД, он нашел для себя жизненно важную функциональную нишу⁸. Известно, что одним из последних поводов к снятию М. М. Литвинова оказалась поставленная ему в вину обнародованная беседа И. М. Майского с министром иностранных дел Финляндии, имевшая место во время транзитной остановки советского полпреда в Хельсинки. Разбор данного случая состоялся у Сталина 21 апреля 1939 г.

Воспоминания И. М. Майского об этом заседании дают дополнительный штрих к характеристике роли Молотова в снятии Литвинова: «Обстановка на заседании была накалена до предела. Хотя Сталин выглядел внешне спокойным, попыхивал трубкой, чувствовалось, что он настроен к Литвинову чрезвычайно недружелюбно. А Молотов буйствовал, непрерывно насакивал на Литвинова, обвинял его во всех смертных грехах»⁹.

Все это закончилось тем, что 3 мая 1939 г. наркомом иностранных дел был назначен В. М. Молотов. Показателен состав «комиссии», с которой новый нарком прибыл принимать дела в НКВД — Л. П. Берия и Г. М. Маленков¹⁰. Некоторое время спустя к ним присоединился заместитель Берии по НКВД В. Г. Деканозов¹¹, который впоследствии был переведен на пост заместителя наркома иностранных дел. На «усиление» наркомата в феврале 1940 г. была брошена и такая одиозная личность, как бывший генеральный прокурор СССР и государственный обвинитель на «больших процессах» А. Я. Вышинский, ставший первым заместителем Молотова вместо известного дипломата В. П. Потемкина, переведенного на пост наркома просвещения РСФСР.

Вместе с тем, в этот период прослеживается и некоторая неуверенность И. В. Сталина в окончательности решения о назначении В. М. Молотова наркомом иностранных дел. Это иллюстрируют факт и текст телеграммы Сталина руководящим сотрудникам НКВД: «Сообщается для сведения. Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП (б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»¹².

Обращает внимание, что эта телеграмма не была разослана в качестве циркулярной всем полпредствам, а доведена до сведения выборочно — полпредам в наиболее важных странах, причем, как правило, «литвиновской» школы, а также высшим руководителям центрального аппарата НКВД. Как представляется, И. В. Сталин сознательно выбирал формулировки этой телеграммы. Он не считает нужным называть содержательные претензии к М. М. Литвинову, а указывает на причины аппаратного характера, приведшие к его отставке, — что нехарактерно для общения политического руководства с подчиненными. Очевидно, что рассылка подобной телеграммы имела своей целью не только информирование конкретных дипломатов, но и формирование установки для комментирования данного кадрового решения в их беседах с зарубежными представителями. Не указывая на ставшую общим местом впоследствии формулировку относительно литвиновской увлеченности «англо-французским

направлением» Сталин, с одной стороны, как можно предположить, стремился заранее публично не демонстрировать намечавшееся расширение контактов с Германией. С другой стороны, вина за происшедшее косвенно возлагалась и на В. М. Молотова, который не сработался со своим наркомом и оказался одной из сторон конфликта. То есть создавалась возможность в нужной ситуации «отыграть назад». При этом арбитром вновь явилось бы политбюро ЦК ВКП (б).

Сам же В. М. Молотов не был столь осторожным — он обставлял свое назначение более серьезными — не тактическими, а идеологическими — ошибками М. М. Литвинова. Как свидетельствует в своих воспоминаниях А. А. Рощин, бывший тогда заведующий третьим западным отделом, на собрании в НКВД в июле 1939 г. Молотов говорил следующее: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии ЦК ВКП (б) в наркомате. Неверно определять прежний НКВД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКВД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, пришедшим в НКВД»¹³. Часто звучит тезис, согласно которому, начиная с 1939 г. это — сталинская внешняя политика. Но это не совсем так. Внешняя политика, так же как и внутренняя, была сталинской начиная с середины 1930-х гг. Другое дело, что личные свойства Литвинова, а также широкие профессиональные горизонты позволяли ему делать достаточно гибкой тактику советской дипломатии в рамках общего внешнеполитического курса. Что же касается Молотова, то первый год его работы в НКВД совпадает с периодом чрезвычайной внешнеполитической напряженности, что в отсутствие внешнеполитического опыта не могло не сковывать его действий.

В. М. Молотов фактически выступает в роли творчески слабого транслятора указаний политического руководства вниз по инстанции и информации от полпредств к политическому руководству. Эта скованность выражается в том, что директивы полпредам становятся максимально сухими, слабовариативными и сам Молотов в беседах с зарубежными представителями следовал заранее заготовленному и утвержденному сценарию. И это тем более странно, что его полномочия предсовнаркома теоретически давали больше свободы, чем было у М. М. Литвинова¹⁴. Как представляется образ Молотова как «мистера „нет“» стал формироваться именно в этот период. Непосредственное вмешательство И. В. Сталина во внешнюю политику на фоне подобного поведения наркоминдел становится явно положительным фактором, вносящим элемент настоящего, а не отложенного во времени дипломатического диалога. Другими словами, согласившись на установление во главе НКВД более верного (в тактическом плане, так как вряд ли М. М. Литвинова можно заподозрить

в нелояльности), а точнее — приближенного, человека, Сталин был вынужден сам больше заниматься внешней политикой. Не стоит также сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что обязанности по СНК и участие в политбюро занимали у Молотова определенную часть времени и он объективно должен был нормировать время, отводимое наркомату. В сочетании же со стремлением контролировать всё, не делегируя полномочий, это вело к реальному торможению работы НКВД. Такой стиль работы стал передаваться и вниз по наркоминдельской инстанции. Полпреды в своих сообщениях в центр все меньше предлагают инициативных шагов, полпредства начинают запрашивать у Москвы разрешения даже по рутинным вопросам. В концентрированном виде характерная безынициативность и стремление действовать по указанию начальства проявляются в действиях нового первого замнаркоминдел А. Я. Вышинского¹⁵, который самым главным документом в своем общении с сотрудниками НКВД сделал рассылку записей бесед, проведенных им.

В результате репрессий в НКВД сложилась катастрофическая кадровая ситуация¹⁶. По разным оценкам, в 1936–1940 гг. репрессиям подверглись приблизительно 2–2,5 тысячи сотрудников центрального аппарата и полпредств. Только в высшем звене были репрессированы: семь заместителей наркома, более 40 полпредов, сменилось практически все руководство оперативных отделов и управления¹⁷. Учитывая, что такое же катастрофическое положение было и во внешней разведке¹⁸, можно только удивляться, как столь скудный информационный и аналитический «пакет» позволял осуществлять внешнюю политику.

Приход нового наркоминдел ознаменовался так называемым «молотовским набором» дипломатов. Впрочем, его характеристики никак не связаны с личностью самого В. М. Молотова. 1939 год — последний год предвоенных массовых репрессий в НКВД. Кадровые потери начинают восполняться, прежде всего, из партийно-комсомольского актива передовых отраслей промышленности. В отличие от первых послереволюционных наборов здесь была и своя специфика — у советской власти уже появился небольшой резерв молодых ученых, преподавателей. Ярким примером выходцев из этой среды стал А. А. Громыко пришедший в НКВД из АН СССР. 19 августа 1939 г. для ускоренной подготовки внешнеполитических кадров учреждается Высшая дипломатическая школа (ныне Дипломатическая академия). ВДШ была создана на базе ранее существовавшего Института подготовки дипломатических и консульских работников¹⁹. В ВДШ отбирались лица, имевшие, как правило, высшее образование. По мнению известного исследователя советской дипломатической службы О. П. Селянинова, ВДШ представляла собой «специализированную аспирантуру», так как «по ее окончании слушатель получал право защиты кандидатской диссертации по исто-

рии международных отношений, истории внешней политики и международному праву»²⁰.

При В. М. Молотове продолжают внутренние реформы НКВД. 21 июня 1939 г. принимается решение коллегии, направленное на упорядочение организации региональных отделов. Складывается следующая структура. 1-й Западный отдел — к его ведению отнесены Франция, Бельгия, Люксембург, Испания, Португалия, Швейцария. 2-й Западный отдел — Великобритания с доминионами и протекторатами. 3-й Западный отдел — Италия, Югославия, Албания. Отдел Центральной Европы — Германия, Чехословакия, Венгрия. Отдел Восточной Европы — Польша, Румыния. Отдел Прибалтийских стран — Финляндия, Латвия, Литва, Эстония. Отдел Скандинавских стран — Норвегия, Швеция, Дания, Нидерланды. Отдел Америки — США, Центральная и Южная Америка. Ближневосточный отдел — Турция, Болгария, Греция, Аравия. Средневосточный отдел — Иран, Афганистан. 1-й Дальневосточный отдел — Китай. 2-й Дальневосточный отдел — Япония, Манчжурия. 3-й Дальневосточный отдел — Синьцзян, МНР, ТНР²¹. Позднее, приказом по НКВД от 27 апреля 1940 г., Восточноевропейский отдел (Польша и Румыния) из структуры НКВД был исключен²². Приказом же от 29 ноября 1940 г. 1-й и 3-й Западные отделы были реорганизованы в единый 1-й Западный отдел²³. Преобразования на этом не завершились. Так со 2 января 1941 г. работа по Югославии была передана в Ближневосточный отдел, а приказом от 26 мая 1941 г. Ближневосточный отдел переименован в отдел Балканских стран, работа же по Турции и арабским странам передана в Средневосточный отдел²⁴.

Важным для функционирования системы НКВД стало создание в 1939 г. генерального секретариата, руководитель которого — генеральный секретарь НКВД — являлся по должности заместителем наркоминдел²⁵. При М. М. Литвинове были заложены первичные функции Генсекретариата, которые концентрировались в руках помощника наркома — главного секретаря НКВД Э. Гершельмана (репрессирован) и «помощников помощника»²⁶.

Важным шагом становится приведение практики внешних сношений СССР с мировой практикой. Так, в течение всего послереволюционного периода дипломатические представители СССР именовались полномочными представителями, при этом в их верительных грамотах указывался их класс в соответствии Венским регламентом 1815 г. Между тем, становилось все более очевидным, что «учреждение поста полпреда вместо ранее существовавших в России... наименований глав дипломатических представительств не принесло каких-либо политических выгод. Наоборот, это порой использовалось некоторыми странами в целях дискриминации советских дипломатов, которых пытались ставить ниже дипломатических представителей других государств»²⁷. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г.

для советских дипломатических представителей было установлено три «ранга»²⁸. В Указе говорилось, что «в целях установления для дипломатических представителей СССР рангов, общепринятых в международных дипломатических отношениях, и приведения этих рангов в соответствие со значением и объемом возлагаемых на дипломатических представителей СССР полномочий, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: 1. Установить для дипломатических Представителей СССР аккредитуемых при иностранных правительствах ранги:

- а) Чрезвычайного и Полномочного Посла,
- б) Чрезвычайного и Полномочного Посланника,
- в) Поверенного в Делах».

Интересно отметить небольшую правовую неточность в Указе — аккредитация дипломатического представителя в качестве посла в иностранном государстве предполагает аккредитацию при главе государства. Это условие является необходимым при установлении дипломатических отношений на уровне посольств²⁹. В том же случае если дипломатические отношения устанавливаются на уровне миссий, возможна (но не обязательна в то время) аккредитация главы миссии при главе правительства. В этом случае главой миссии является посланник. Поверенный в делах аккредитуется собственно при министре иностранных дел. Другое вопрос, что личные ранги могут и не соответствовать названию должности. Эта неточность, в какой-то степени, может служить иллюстрацией того факта, что в НКВД того времени реально не хватало многих специалистов. В противном случае подобная оплошность была бы замечена на стадии подготовки проекта Указа или его согласования с НКВД.

Несомненно, приведение советской дипломатической службы и практики внешних сношений в соответствие с международными стандартами было необходимо. Так, те же протокольные несоответствия мировой практике ставили проблемы содержательного характера. Государственным протоколом большинства государств в то время, как, впрочем, и сейчас, была предусмотрена практика обмена краткими речами посла, вручающего свои верительные грамоты, и главы государства, эти грамоты принимающего. Такая процедура помогает сторонам «сверить часы», представляет послу возможность декларировать направления и приоритеты будущей работы, оценить в какой-то степени работу своего предшественника. Принимающая сторона также может высказать свои ожидания, пожелания и озабоченности. Все это было нехарактерно для советской дипломатической практики. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин представал неким «глухонемым» главой государства. Очевидно, что это сказывалось на динамике дипотношений и вызывало недоумение, а наверное, и раздражение иностранных послов. Так, когда посол Вишистской Франции Г. Бержери при посещении В. М. Молотова пожаловался на подоб-

ную процедуру, наркоминдел отреагировал в своей холодно-выдержанной манере, что «...в СССР нет никаких ограничений по поводу заявлений при вручении верительных грамот. Если посол пожелает и если ему поручено, то он сможет сделать такое заявление»³⁰. Очевидно, что послу иностранного государства не могут запрещать подобные действия, другое дело, что дипломатический протокол веками разрабатывался именно с целью поощрения и содействия содержательной части дипломатии. В целом, можно констатировать, что к концу 1930-х годов в НКВД и советской дипломатической практике существовало значительное число пережитков первых послереволюционных лет, которые были или изначально неуместными или явно устарели по прошествии двух десятилетий.

Приход В. М. Молотова в какой-то степени повысил роль НКВД в системе органов власти Союза ССР. Это, прежде всего, связано с тем, что впервые после краткосрочного пребывания Л. Д. Троцкого на посту наркоминдел оказался представитель руководства коммунистической партии, более того, глава правительства. Так, Г. В. Чичерин никогда не входил в состав политбюро, а в ЦК избирался уже в конце своей карьеры — в 1925 и 1927 гг. М. М. Литвинов членом ЦК стал в 1934 г.³¹, но, конечно же, не имел никаких шансов стать членом политбюро.

Стоит отметить и такой факт, что НКВД при В. М. Молотове уже не имел функционального и политического соперника в лице Коминтерна и его исполкома, что осложняло жизнь предыдущих наркомов. ИККИ оказался физически разгромлен в 1936–1939 гг., а поворот в сторону налаживания контактов с Берлином не оставлял Коминтерну самостоятельного места в советской внешней политике. В то же время в партийно-государственной системе СССР отсутствовала структура, функционально напоминающая Международный отдел ЦК хрущевско-брежневского периода, и у Молотова на внешнеполитическом поле не было конкурентов. Что же касается здоровой профессиональной конкуренции с разведсообществом, то таковая для ведомства иностранных дел не может рассматриваться как препятствие, являясь постоянным фактором.

В целом можно констатировать, что НКВД с приходом В. М. Молотова и далее, под его руководством, превращался во внешнеполитическое ведомство того типа, который в значительной степени был для него характерен на протяжении последующих пятидесяти лет. Из сравнительно небольшого учреждения, костяк которого составляли яркие и талантливые личности, зачастую знакомые друг с другом с дореволюционных времен, он становился большой государственной машиной³². Машиной, где в силу ее значительных масштабов функция играла большую роль, чем ее конкретный исполнитель³³. Речь не идет о пресловутых сталинских винтиках. Дело в другом. Начало «молотовского периода» в дипломатии совпадает

с мировыми тенденциями развития дипломатической службы. Ведомства иностранных дел «де-аристократизируются» во всех странах Западной Европы, они растут численно, причем прежде всего за счет кадров центрального аппарата, куда с развитием средств коммуникации стекается все больше информации³⁴. Роль посольств и их автономность в такой ситуации начинает снижаться, что продолжается и сейчас. Воздушный транспорт делает более доступными визиты руководителей внешнеполитического ведомства непосредственно в интересующую страну. Расширяются прямые контакты по линии специализированных ведомств (в нашем случае это НКО, НКВД, НКГБ/НКГБ), которые идут параллельно или независимо от посольских контактов и согласуются с центральным аппаратом НКВД. Для большинства стран Европы период новой дипломатии наступает после Второй мировой войны, когда довоенные устои оказываются сломанными мировой трагедией. В Советском Союзе этот процесс, как ни парадоксально, начинается с репрессий и прихода В. М. Молотова в НКВД, когда только отлаженная машина внешнеполитического ведомства могла частично компенсировать людские потери³⁵. Другое дело, что сохранение старых кадров и их организация в соответствии с новыми задачами могли бы дать несравнимо большую эффективность внешней политики.

«Параллельными курсами»: англо-франко-советские переговоры и сближение СССР с Германией (весна–лето 1939 г.)

Отсчет переговорам с западными демократиями, как правило, ведется с 23 марта 1939 г., когда в Москву прибыл британский министр Р. Хадсон, формально отвечавший за внешнюю торговлю Великобритании, но, тем не менее, с самого начала его визит большинством наблюдателей расценивался как политическая миссия. К сожалению, коммюнике по итогам визита оказалось неутешительным, а его лейтмотив — справедливым и для последующих месяцев переговоров. В коммюнике говорилось, что «обе стороны выяснили свои позиции; при этом вскрылся ряд существенных разногласий...». Вместе с тем подчеркивалось, что «личный контакт, установленный между полномочным представителем британского правительства и членами советского правительства, несомненно, будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира»³⁶. В дальнейшем переговоры велись в трехстороннем формате — Великобритания — Франция — СССР, основываясь на постоянном контакте глав дипломатических представительств указанных стран (У. Сидс и П. Наджар, соответственно) с НКВД СССР. Последнее было не самым удачным дипломатическим решением. Продвижение столь важных консультаций требовало вмешательства в них более высокопоставленных лиц, но ни французское правительство, ни,

тем более, правительство Чемберлена, где по-прежнему были сильны «мюнхенские настроения», на это не шло.

Вместе с тем, необходимость большей инициативы со стороны западных демократий в тот момент была очевидной многим. «Не будет ли целесообразнее для ускорения переговоров, медлительность которых вызывает беспокойство, послать в Москву Галифакса, чтоб он мог непосредственно вести переговоры с Молотовым?», — такой прямой вопрос был задан Н. Чемберлену во время дебатов в Палате общин 19 мая 1939 г. Ответ премьера был очень показательным: «Я должен быть осторожным и не допускать ничего такого, что осложняет положение... Нам приходится обращаться не к одному лишь русскому правительству. Мы должны иметь в виду и правительства других стран»³⁷. На настойчивые попытки депутатов уточнить, какие правительства, премьер не ответил.

С приходом В. М. Молотова позиция СССР на переговорах ужесточается. Психологически и политически советское руководство готово идти на переговоры с Германией, тем более что в конце мая 1939 г. Берлин делает инициативные шаги в этом направлении, а остаться верным линии на сотрудничество с Лондоном и Парижем Москву могут побудить только серьезные уступки со стороны британских и французских правящих кругов. Ситуация в Европе говорила о том, что агрессоры становятся все более наглыми и сплоченными — 7 апреля Муссолини вторгся в Албанию³⁸, а 22 мая в Берлине Германия и Италия подписали «Стальной пакт», которые еще более упрочил их союз. «Неагрессивные» же страны оставались по-прежнему разрозненными. К концу мая Великобритания, Франция и СССР вышли на согласованное признание немедленного и автоматического характера взаимопомощи в случае агрессии. Непреклонность советского требования трехстороннего обязывающего пакта была подчеркнута В. М. Молотовым 31 мая 1939 г. в его выступлении на сессии Верховного Совета СССР. Вместе с тем в переговорах сохранялась ситуация «когда уступки западных стран все время делались слишком поздно», а Москва «выдвигала все новые оговорки и дополнительные условия»³⁹.

В ходе переговоров можно выделить две основные содержательные проблемы. Во-первых, перечень стран подпадающие под трехсторонние гарантии и, во-вторых, вопрос о «косвенной агрессии»⁴⁰. Возникновение первой проблемы вполне логично — у каждой из сторон были свои предпочтения. СССР пытался внести в «гарантийный» список Латвию, Эстонию и Финляндию. Противником таких гарантий выступали, прежде всего, правительства самих этих государств, опасавшиеся, что СССР может прийти им на «помощь» (и очевидно, что в силу своей близости сделает это массивнее и быстрее, чем западные союзники), используя тот или иной пред-

лог, связанный с германской угрозой. Как покажет время, они оказались правы в своих опасениях. Великобритания и Франция, руководствуясь в какой-то степени именно этими соображениями, также не соглашались на подобные гарантии и увязывали свое согласие с советскими гарантиями Нидерландам и Швейцарии. Резонная позиция советской стороны о невозможности нашей действенной помощи столь удаленным (и незначительным с точки зрения советских интересов) странам восторжествовала.

К концу июля 1939 г. стороны нашли консенсус по списку стран, которым предоставлялись гарантии, — Бельгия, Греция, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Финляндия, Эстония. Если эта трудная проблема была в принципе решаемая — стороны обсуждали достаточно жестко сформулированные, но вполне понятные и законные интересы, — то постановку советской стороной вопроса о «косвенной агрессии» можно рассматривать как завышенное (по крайней мере, на тот момент) требование, ставшее непреодолимым барьером на переговорах. В целом, в западных политических кругах тяжелый ход переговоров объясняли тем, что «Москва лавирует между Берлином и Парижем и Лондоном»⁴¹, хотя и успокаивали себя: «Лучше потерять несколько недель, чем допустить неясность и недомолвку»⁴². Вопрос о «косвенной агрессии» оказался фактически подвешен, что, наверное, не случайно — к середине лета становилось все более ясно, что наиболее вероятным объектом агрессии, причем прямой, может оказаться Польша. Соответственно, усилия трех держав — не столько всех вместе, сколько каждой по отдельности и разнонаправлено — концентрируются на Варшаве и векторе Варшава — Берлин. В трехстороннем формате стороны решают перейти к технической стороне обеспечения гарантий и начинают переговоры по военным вопросам. Решение об этом было принято 23 июля, а собственно переговоры начались 12 августа. Очевидно, что на тот момент — с выбором восточного направления в политике А. Гитлера — военная угроза была более актуальной для СССР; отсюда и ответ. Великобритания и Франция, понимая, что военная угроза от них гораздо дальше, а политико-дипломатическая подготовка активных шагов Гитлера на западном направлении гораздо слабее, к военным переговорам отнеслись существенно менее ответственно. Советская военная миссия, представленная наркомом обороны К. Е. Ворошиловым, начальником генерального штаба Б. М. Шапошниковым, командующими ВВС и ВМФ, не встретила на переговорах столь же высокопоставленных лиц с англо-французской стороны. Кроме того, «британская и французская делегации, — по оценке главы французской миссии генерала Ж. Думенка, — ехали в Москву с „пустыми руками“». Предположения о таком характере миссии англо-французов были у советского руководства заранее; не случайно, в инструкциях к переговорам, имевшихся у Ворошилова,

говорилось о необходимости выяснения полномочий переговорщиков⁴³.

В ходе переговоров советская сторона ставила, но не могла получить ответа, на вопрос о том, как СССР может помочь в предотвращении агрессии, не имея возможности прохода по территории Польши и Румынии. Задавались и другие вопросы — по возможной позиции Бельгии, об участии в сухопутных операциях Великобритании. Все задаваемые вопросы подчеркивали многосторонний характер возможного решения проблемы мира. Их решение могло быть достигнуто в рамках последовательно проводимого сценария «коллективной безопасности». Пауза, взятая СССР в содействии такому сценарию, а потом фактическая и скомканная попытка его возродить в узком, трехстороннем формате, не способствовали предотвращению европейского конфликта. Возвращаясь собственно к переговорам, надо сказать, что повторяющаяся настойчивая постановка вопроса о «польском транзите» для советских войск и отсутствие ответа со стороны западных держав привели к свертыванию миссии. Вместе с тем, это только одна и, скорее, технико-дипломатическая причина срыва переговоров. Вторая причина лежит более глубоко — на момент ведения переговоров ни Москва, ни Лондон, ни Париж не прекращали обдумывать (да и реализовывать) запасные сценарии сговора с агрессором. Форма сговора не так важна — «умиротворение» или «раздел сфер влияния». Важен принцип — Берлин для всех трех столиц оставался политическим контрагентом на европейской арене, неудобным, бесноватым, но все-таки контрагентом, партнером, а не изгоем, как того заслуживал нацистский режим, не скрывавший содержания своей идеологии. Для историков по-прежнему остается открытым вопрос: разве лидеры Европы не знали германской действительности? или они не хотели ее замечать? или не верили в серьезную опасность бесчеловечной идеологии?

Активизация советско-германских отношений начинается в мае 1939 г. — в Берлине восприняли смещение М. М. Литвинова, как сигнал к началу целенаправленных контактов с СССР. Посол Германии Ф. фон Шуленбург на своей встрече с В. М. Молотовым 20 мая зондирует почву, говоря о торговом соглашении, которое, несомненно, было нужно Берлину, но, наверное, большую важность для Германии имела общеполитическая позиция СССР в случае разрывания германской активности на восточном направлении. Объектом этой активности предполагалась Польша — еще в начале апреля 1939 г. германское руководство одобрило план операции «Вайс», в котором ставилась задача «добиться по возможности изолированного решения польского вопроса, то есть ограничить войну исключительно польской территорией»⁴⁴. Германия была тогда еще слаба, чтобы втягиваться в конфликт, который мог спровоцировать Великобританию, Францию или СССР на противодействие агрессору. Таким образом,

начиная переговоры, Германия имела цель, как минимум, обеспечить нейтралитет СССР. Позиция советского руководства удачно совпадает с германским настроем и даже освобождает Берлин от излишней дипломатической работы. Так, на предложение Шуленбурга о торговом соглашении Молотов заметил, что «для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»⁴⁵.

Во второй половине июля 1939 г. Берлин, опасаясь успеха англо-франко-советских переговоров, форсирует политические контакты с Москвой. Советское руководство находилось в состоянии выбора между двумя возможными коалициями и поэтому, так же как от демократических стран, от Германии требовали детального изложения ее позиции по интересующим советскую сторону вопросам. К началу августа 1939 г. Берлин выразил принципиальное согласие достигнуть договоренности с СССР «по всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря»⁴⁶. Москве фактически делалось предложение оговорить зоны влияния и интересов и, тем самым, обезопасить (другой вопрос надолго ли?) свои западные рубежи. Несмотря на заманчивость такого предложения, Москва не спешила, даже после того как 11 августа состоялось решение политбюро о начале официальных контактов с Берлином по всем указанным вопросам. Торопился Берлин, который опасался как успеха переговоров Москвы с Лондоном и Парижем, так и результативности не прекращавшихся контактов Варшавы с этими европейскими столицами, откуда польское правительство надеялось получить гарантии без участия СССР. Внешнеполитическое ведомство Германии постоянно подталкивало Москву. К середине августа окончательно определилась будущая правовая формула советско-германского взаимодействия — «пакт о ненападении». Параллельно с этим советское руководство акцентирует внимание на торгово-кредитном соглашении. Оно подписывается 19 августа 1939 г. в Берлине. Этому соглашению, как и вообще экономическим связям с Германией, уделялось повышенное внимание. Абсурдная логика данного документа предполагала создание механизма взаимной экономической подготовки СССР и Германии к войне друг против друга. Грубо говоря, вопрос стоял о том, сумеет ли СССР перекрыть поставками германского оборудования, технологий, кредитов ту пользу, которую получала Германия от нашего сырья, леса, золота и т.п. После подписания соглашения А. Гитлер посчитал себя вправе личной телеграммой поторопить И. В. Сталина заключить пакт о ненападении, отметив, что «напряжение между Германией и Польшей сделалось нетерпимым». В телеграмме он называл и дату приезда министра И. фон Риббентропа в Москву для подписания пакта — 23 августа (Москва несколькими днями ранее указывала на 26 или 27 число).

В ночь с 23 на 24 августа Договор о ненападении был подписан, его логической неотъемлемой частью

стал секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов Германии и СССР. В протоколе было четко зафиксировано, что «1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами. 2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии Нарева, Вислы и Сана...». В третьем пункте СССР также подчеркнул свой интерес к Бессарабии. Вопрос же о судьбе Польского государства в целом стороны откладывали на потом, так как он «может быть выяснен только в течение дальнейшего политического развития»⁴⁷.

Политические итоги подписания пакта о ненападении достаточно противоречивы. С одной стороны, СССР открыл для себя дорогу к территориальным приращениям, и не случайно советскую внешнюю политику именно с того момента на Западе начинают характеризовать как имперскую: «...Изумительный поступок Сталина с Германией является русским актом, возобновляющим традиционную русскую политику, но при звуках „Интернационала“»⁴⁸. С другой стороны, этим шагом СССР нанес урон созданию единого фронта отпора агрессорам. Другое дело, что не только Москва позволяла себе подобные поступки. Третья и главная ошибка заключается в том, что СССР слишком пунктуально следовал букве, а главное, духу договоренностей с нацистской Германией вплоть до июня 1941 г. и не пересмотрел свою позицию даже тогда, когда абсолютно очевидной стала подготовка нападения на СССР, когда положения договора принесли уже все свои выгоды и стали исподволь нарушаться Германией. Советское руководство проявило поразительную, наивную честность и пассивную обреченность в отношении будущего врага. Естественно, что подписание пакта делало бессмысленными военные консультации с британцами и французами в Москве. Правда, СССР больше подчеркивал именно обратную связь. В своем интервью К. Е. Ворошилов утверждал, что «СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, *между прочим* (курсив мой. — А. М.), того обстоятельства, что военные переговоры зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»⁴⁹. Замечание «между прочим» вносит нотку честности в высказывание маршала и демонстрирует, что были и другие мотивы для этого шага.

Реакция на пакт в столицах западных демократий была негативной. Вот как об этом писал в своем дневнике полпред СССР в Великобритании И. М. Майский, для которого события 23 августа тоже оказались неожиданными: «Вчера поздно ночью в Москве под-

писан пакт о ненападении между СССР и Германией... Наша политика явно делает какой-то крутой поворот, смысл и последствия которого мне пока еще не вполне ясны. Надо подождать дальнейших сведений из Москвы. В городе смятение и негодование. Особенно неистовствуют лейбористы. Они обвиняют нас в измене принципам, в отказе от прошлого, в протягивании руки фашизму... Смущаться, однако, не приходится. Надо показать выдержку и спокойствие. Лейбористы перебесятся. „И это пройдет!“ Консерваторы держатся много спокойнее. Они никогда всерьез не верили ни в Лигу наций, ни в коллективную безопасность и сейчас гораздо проще воспринимают возврат Европы к политике „национального интереса“. Точно возвращаются домой из „дворца мира“⁵⁰ — высокого, торжественного, но страшно неудобного и непривычного для них здания»⁵¹.

Советское руководство прекрасно понимало, что заключение пакта с Германией может сильно дезориентировать противников А. Гитлера из левой и коммунистической части политического спектра, ухудшить имидж СССР в глазах общественности. В этом плане очень иллюстративным предстает решение, принятое на заседании секретариата исполкома Коминтерна 22 августа [т.е. накануне подписания пакта. — А. М.]. Очевидно, что оно принималось в плане пропагандистского обеспечения внешнеполитического шага СССР. Секретариат ИККИ постановил: «Рекомендовать партиям перейти в наступление против буржуазной и социал-демократической печати со следующей установкой:

- а) Эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам.
- б) СССР ведет независимую политику, исходя из интересов социализма и дела мира...
- в) СССР решительный противник агрессоров, других чехо-словацкого народа и Испанской республики, преданных Англией и Францией, защитник народов, борющихся за свою независимость, много месяцев уже добивается соглашения с Англией и Францией для совместных действий против агрессоров. Английское и французское правительства сознательно затягивали переговоры, старались использовать переговоры с СССР как средство, чтобы добиться компромисса с Германией за счет СССР. Под их влиянием Польша отклонила возможную эффективную помощь СССР. Люди Мюнхена — Чемберлен и Бонне, являются главным препятствием для заключения соглашения между Англией и Францией... и СССР...
- г) Своей готовностью заключить с Германией пакт о ненападении СССР помогает соседним малым Прибалтийским странам и действует в защиту всеобщего мира.

- д) Этим СССР срывает планы буржуазных, реакционных кругов и капитулянтов Второго Интернационала, стремящихся направить агрессию против страны социализма.
- е) СССР разъединяет агрессоров, освобождает себе руки против агрессии Японии и в деле помощи китайскому народу.
- ж) Наконец, переговоры с Германией могут понудить правительства Англии и Франции перейти от пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР»⁵².

Мягко говоря, не все пункты соответствовали действительности, например о прибалтийских странах... Вместе с тем, пункт о разъединении агрессоров, наверное, совпал с ощущениями ситуации, которые были у самих союзников Германии — Японии и Италии. Судя по дневнику временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова «23.VIII. ...Газеты буквально заполнены вопросом предстоящего подписания пакта о ненападении между СССР и Германией... Нужно отметить общую растерянность прессы... Пресса почти вся целиком обрушилась на МИД и правительство за то, что они благодаря своим бессмысленным и длительным обсуждениям мероприятий по европейским делам проморгали этот важный шаг... Следующий момент, на который следует указать, это отмечающийся всеми большой удар по японо-германским отношениям и, в частности, по антикоминтерновскому соглашению в той его части, которая направлена против СССР. Небезынтересно и то, что газеты, правда, в очень осторожной форме, но сразу же начали обсуждать возможность заключения такого же пакта между Японией и СССР». Напомним, что как раз 20 августа советские и монгольские войска перешли в решительное наступление у р. Халхин-Гол, 23 августа окружили 6-ю японскую армию, а к 28 августа завершили ее разгром.

Но вернемся к дневнику Н. И. Генералова: «25.VIII. В газетах прямо указывается на то, что проводившаяся до сих пор Японией внешняя политика потерпела крах... Для Японии сейчас не остается иного пути, как только изменить ее... Провал внешней политики и необходимость изменения таковой стараются объяснить не результатом провала японской авантюры в Китае, а „вероломством“ Германии, отказавшейся „от антикоминтерновских принципов“... В связи с этим... ставится вопрос: в каком направлении должна Япония вести свою будущую внешнюю политику... Здесь имеются лишь два пути, каждый из которых диаметрально противоположен другому... Первый путь состоит в том, чтобы изменить политику по отношению к СССР в сторону улучшения... Однако вряд ли Япония пойдет по этому пути... Вступление на него было бы равносильно признанию провала японской авантюры в Китае, от которой ни военщина, ни дворцовые круги пока не думают отказываться... Поэтому наиболее вероятным путем этой „новой“

внешней политики Японии будут попытки сближения ее с Англией... Однако нужно отметить, что этот второй путь содержит в себе не меньшие противоречия, которые не позволят Японии легко договориться с Англией и Америкой... Если Япония не откажется от своего намерения установить новый порядок в Азии, то при ее попытках сближения с Англией, Америкой и Францией последние предложат Японии восстановить довоенный порядок в Китае...»⁵³.

Такое воздействие на Японию пакта о ненападении также можно считать еще одним выигрышем, правда, стоит отметить, что и без пакта имело место значительное число факторов и обстоятельств (подробнее см. ниже), которые вели Москву и Токио к документу о взаимном нейтралитете. Пакт только продемонстрировал Токио, что пафос «антикоминтерновского» союза не очень тревожит Германию. А поражение на Халхин-Голе заставило японцев глубже задуматься о собственных интересах.

Как ни парадоксально, но самая невнятная реакция на пакт была из Варшавы. Руководство Польши между строк официального текста договора при желании могло прочесть намерения, зафиксированные в секретном протоколе. По крайней мере, в других европейских столицах это сделали. Такая близорукость, по всей видимости, объясняется тем, что Польша находилась в плену, как минимум, трех, в принципе взаимоисключающих, но наличествовавших в Варшаве иллюзорных сценариев. Первый из них, укрепившийся в сознании польского руководства, восходил еще к 1934 г., когда был подписан польско-германский протокол о мирном разрешении споров, и основывался, на уверенности в том, что Польша скорее союзник Германии, чем ее противник. Тем более что от реализации агрессивных германских планов Польша получала и свои «крохи» в виде передачи чехословацкой Тешинской области. Упрямых сторонников этого сценария в период мая-августа 1939 г. становилось все меньше и меньше, но они были.

Второй иллюзорный сценарий, который, впрочем, при более благоприятных обстоятельствах имел шанс стать реальным, предусматривал помощь западных демократий Польше. 25 августа 1939 г. был подписан польско-британский военный союз, но он отсрочил войну только на 5 дней, с предполагавшегося 26 августа до 1 сентября. А. Гитлер понимал, что если ему без дипломатического боя (не говоря уже о военных действиях!) сдали Чехословакию, то и за Польшу Запад не станет драться. А без участия в такой военной кампании СССР и Франции для Лондона она становилась просто нереальной. Обладая достаточно детализированной информацией, А. Гитлер понимал, что «английский и французский генеральные штабы оценивают перспективу вооруженного конфликта очень трезво»⁵⁴ и втягиваться в него в ситуации сложившейся на середину августа 1939 г. не собираются.

Третий миф в Польше был связан с Советским Союзом, который, как считалось, чтобы встретить германскую агрессию на дальних (т.е. польских) рубежах и без заключения какого-либо специального договора, «протянет руку помощи» Польше. Впрочем, носители данного мифа также понимали, что в эту руку в качестве компенсации придется вложить Западную Украину и Западную Белоруссию. В Варшаве, однако, не оценили степени охлаждения советско-польских отношений в период 1936–1939 гг.⁵⁵ В этот период и в Москве и Варшаве просто перестают адекватно оценивать политику друг друга, углубляется враждебная отстраненность. Для политического руководства в Москве и для И. В. Сталина лично была характерна огульная неприязнь к польским правящим кругам, что иллюстрируют те явно недипломатические термины, которые использовали советские руководители для характеристики Польши в начале войны⁵⁶. Некоторые исследователи в качестве важного фактора называют сильный «антипольский синдром» Сталина, сложившийся у него во время советско-польской войны 1920 г. То есть в этой ситуации, а тем более после подписания Пакта и протокола, надежды польских кругов на руку помощи из Москвы были сугубо иллюзорными.

Интересна оценка польского восприятия Пакта, данная советским полпредством на основе материалов польской прессы. «...Польша относилась с недоверием к переговорам с Москвой. Поляки указывали Англии и Франции, что СССР не должен играть той роли, о которой думали Париж и Лондон. Начинаются антисоветские высказывания, как „офицерский корпус перебит“, „ни СССР, ни Германия не придают значения своим обязательствам“. Вопрос занимает в газетах две-три страницы. Много предложений о развале антикоминтерновского пакта, подающегося как направленный только против СССР»⁵⁷. Подобные рванные, незаконченные и неадекватные суждения, к сожалению, отражали не только понимание ситуации газетчиками, но и польским руководством. Впрочем, если бы произошло чудо и это понимание резко изменилось в лучшую сторону после 23 августа 1939 г., было бы слишком поздно. СССР и Германия начинали четвертый раздел Польши, вернее Германия начинала захват Польши, а СССР старался максимально обезопасить свои интересы при реализации этих шагов. Альтернативой для Москвы было или согласиться с полной оккупацией Польши немцами, или вступить с Германией в войну. Москва выбрала наиболее приемлемый, но ничуть не менее тяжелый для самой Польши сценарий.

Внешняя политика СССР в начале Второй мировой войны. Советско-финляндская война (сентябрь 1939 — март 1940 г.)

Факт начала Второй мировой войны в архивных документах МИД за 1 сентября 1939 г. отражен по своему уникально — в рабочей записке В. Н. Павлова⁵⁸ на-

кому. Об абсолютно обыденном, рабочем характере этой записки говорит тот факт, что она даже не имеет ни официального адреса, ни входящего номера и т.п. Только вверху, посреди странички с машинописным текстом две буквы «В. М.» (т.е. для В. М. Молотова), подчеркнутые пунктиром. Такие записки обычно пишут референты и кладут начальнику на стол, чтобы он, придя на службу, сразу видел, кто звонил, кто хотел зайти, по какому вопросу. Также и здесь:

«В 11 часов 1 сентября явился Хильгер и передал мне для Вас несколько сообщений.

1. Хильгер сообщил, что ввиду отклонения Польшей предложения Гитлера о мирном урегулировании всех вопросов при посредничестве Англии... Гитлер издал 1 сентября приказ войскам. Перевод приказа прилагается⁵⁹.
2. Сегодня... принял Данциг в лоно германской империи...».

Всего было четыре пункта. Каждый из них в другом контексте привлек бы должное внимание, если бы не приписка сделанная внизу В. Н. Павловым от руки. Под самой подписью, по нижнему обрезу бумаги идет текст «В 13:00. 1 сентября Хильгер сообщил, что сегодня в 5:45 начались военные действия между Польшей и Германией»⁶⁰. Именно так в НКВД узнали о начале Второй мировой войны.

В первой половине сентября СССР не предпринимал каких-либо действий с тем, чтобы обеспечить свои интересы в зоне, очерченной августовским секретным протоколом. Причина этого ясна — Москва ждала того, как будут развиваться военные действия Германии. С другой стороны, немедленное вступление СССР на польскую территорию поставило бы Советский Союз на одну доску с агрессором и абсолютно четко развело Москву и западные демократии, объявившие 3 сентября 1939 г. войну Германии, по разные стороны баррикад. СССР ждал. К середине сентября стало ясно, что война Польшей проиграна. Вместе с тем Москва стала опасаться, что на плечах у отступающих на восток поляков в зону советских интересов могут прийти немцы.

17 сентября польскому послу В. Гжибовскому⁶¹, «поднятому... с постели в 2 часа ночи и в явной тревоге прибывшему в Наркоминдел в 3 часа, мною [В. Потемкиным] была прочитана, а затем передана нота т. Молотова, адресованная польскому правительству»⁶². В ноте говорилось, что «польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это означает, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать... Польша превратилось в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР... Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять

под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии...»⁶³.

В. Гжибовский был в глубокой растерянности и «ноту как документ» (по его выражению) принимать отказывался, считая ее «несовместимой с достоинством польского правительства». Следует признать, что В. П. Потемкин проявил такт и пытался успокоить (насколько вообще можно говорить об этом в подобной ситуации) посла. Тот в результате согласился передать содержание ноты польскому правительству, которое по его сведениям находилось в Кременце и с которым он имел крайне нерегулярную телеграфную связь через Бухарест. Саму же ноту доставили с курьером в польское посольство. Утром 17 сентября текст ноты в почти неизменном виде прозвучал как радиообращение В. М. Молотова к советскому народу. В тот же день нота была разослана в советские полпредства для доведения до сведения соответствующих правительств. При этом в ноте сопровождения за подписью Молотова подчеркивалось, что СССР «будет проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и (наименование страны)»⁶⁴.

Тогда же утром 17 сентября 1939 г. части Красной армии вступили на территорию Польши. За 12 дней боевых действий советские войска продвинулись на 250–300 км, заняв территорию около 190 тысяч км², на которой проживало более 12 млн человек⁶⁵. Польские войска получили от своего командования приказ не оказывать сопротивления Красной армии и в большинстве своем его выполняли. Вместе с тем, по некоторым сведениям, во время наступления с польской стороны погибло 3 500 военных и гражданских лиц, а Красная армия потеряла убитыми 735 человек. Эти цифры несравнимы с потерями польской армии в боях с вермахтом — она потеряла 66,3 тысячи убитыми⁶⁶. Именно фактическое несопротивление польских войск по приказу своего командования дает определенное оправдание действиям СССР, которые, несмотря на всю их неприемлемость в нормальной ситуации, были предпочтительней для польской стороны, чем германская оккупация. С другой стороны, это демонстрирует, что польское общество, часть правящих кругов и офицерства несли в себе потенциал дружественного или, по крайней мере, невраждебного отношения к СССР, который советское руководство не смогло активизировать в предвоенные годы. К концу сентября советские войска вышли на линию разграничения сфер интересов.

Новая ситуация требовала соответствующего правового закрепления. 27 сентября в Москву прибывает мининдел Германии И. фон Риббентроп, а 28 сентября подписывается Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Линия «границы между обоюдными государственными интересами» проходит по территории «бывшего Польского государства»⁶⁷. Статья 3 Договора закрепляла за СССР

и Германией право на «необходимое государственное переустройство» на контролируемых ими польских территориях. Секретный протокол к этому договору подтверждал прибалтийские страны и Финляндию в качестве сферы советских интересов и технически корректировал территориальное размежевание.

Договор, впрочем как и международная ситуация в целом позволяли СССР начать реализовывать свои интересы в Прибалтике. Правовым оформлением соответствующих действий должно было стать подписание двусторонних пактов о взаимопомощи, которые давали бы СССР право размещать свои базы и воинские контингенты на территории прибалтийских государств. Пакты с Эстонией и Латвией были подписаны 28 сентября и 5 октября соответственно. Договор с Литвой был более «выгодным» — помимо советских военных объектов Литва получала Вильно и Виленский край, который до начала войны принадлежал Польше. Договор СССР с Литвой был подписан 10 октября. «Пакетное» решение вопроса с Литвой сделало это республику наиболее склонной к взаимодействию с Москвой, что, в частности, сыграло свою роль в получении Советским Союзом информации о Балтийской Антанте, о других мероприятиях, в которые были вовлечены эти государства.

Пакты о взаимопомощи в целом были восприняты относительно спокойно как в самих этих государствах, так и в странах Западной Европы. Вот как объяснял своему народу президент Латвии К. Ульманис смысл заключенного пакта: «...Мы спасли себя от вмешательства в германо-польскую войну, мы избежали вмешательства в войну между Германией и великими державами на западе, мы избежали войны, в которой бы проливалась латышская кровь и жизнь латышей приносилась бы в жертву за дело, которое не касается нашего государства... Следует подчеркнуть, что пакт, как это обычно свойственно пактам Советского Союза, отличается своей ясностью и определенностью...». Вместе с тем, Ульманис отмечал, что «пакт... подписан в военное время, поэтому он необычен по своим условиям». Латвийский президент абсолютно однозначно понимал этот договор как мудрый путь, по которому пошла его страна, при этом он вполне прозрачно намекал на польскую альтернативу: «Пренебрегая добрососедскими отношениями и дружбой, подыскивая друзей только вдали, некоторые народы были вынуждены за это очень дорого заплатить, даже своей независимостью и самостоятельностью»⁶⁸.

Похожим образом реагировали и в Эстонии, главнокомандующий эстонской армией Й. Лайдонер в своей речи по радио заявил, что «мы [руководство Эстонии] связали судьбу своего государства и народа... с пактом о взаимопомощи с Советским Союзом, который в связи с этим вновь подчеркнул неизменность своей мирной политики и желание продолжить ее. Это большой положительный фактор для будущего нашего государства и нашего народа»⁶⁹.

Литовские правящие круги, по понятным причинам, высказывались еще более определенно в поддержку СССР. Так, во время ратификации договора в Сейме мининдел Ю. Урбшис заявил: «Всем прекрасно известно значение Вильно для Литвы. За такой поступок со стороны СССР выражаем ему свою благодарность». Бургомистр Каунаса А. Меркис не остановился на этом и добавил: «Мы надеемся также, что руководители СССР примут во внимание, что некоторые литовские районы не вошли в Литву, и исправит границы»⁷⁰.

Если в отношении прибалтийских государств секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г. были фактически реализованы, то Финляндия сохраняла свой прежний статус, и ее отношения с СССР по-прежнему определялись Договором о ненападении 1932 г., который в 1934 г. был продлен на срок до 1945 г. Наглядный пример прибалтийских государств, которые все больше попадали под советское влияние, не внушал Хельсинки веру в исключительно юридические средства защиты. Финляндия начала укреплять свои вооруженные силы. С учетом того что советско-финская граница проходила всего в 32 км от Ленинграда, СССР не мог не выражать своего беспокойства. Очевидно, что это беспокойство было не только и не столько беспокойством за возможные действия Финляндии, сколько о том, чьим форпостом могла стать ее территория. Осенью 1939 г. Финляндия намеревалась получить дополнительные гарантии своей безопасности от Германии, но Берлин, сознавая стратегически выгодное положение финской территории в возможной будущей войне против СССР, в то время не мог себе позволить ссориться с ним и нарушать августовский пакт. Это понимали в Москве и старались как можно скорее решить проблему финской границы, а также «воссоединения» карельского и финского народов.

Первым шагом к просоветской нейтрализации Финляндии в Москве виделось заключение пакта о ненападении, сходного с теми, что СССР заключил с государствами Прибалтики. В качестве «пряника» СССР предложил обмен территориями: Советскому Союзу переходила бы территория на Карельском перешейке в результате удаления финской границы от Ленинграда, что компенсировалось вдвое большей территорией в отдаленной от промышленных центров приграничной зоне Карелии. Для контроля над Финским заливом СССР хотел также получения в аренду порта на полуострове Ханко. Если в случае с Прибалтикой советская внешняя политика сумела реализовать свое давление достаточно оперативно и без лишнего шума на предварительной стадии (то есть до ввода войск в Прибалтику), то по Финляндии пришлось втянуться в долгие и безрезультатные дебаты с Лондоном, Парижем и Вашингтоном, который также проявил повышенный интерес к этой относительно периферийной европейской проблеме.

Конец ноября 1939 г. ознаменовался рядом провокаций на советско-финской границе, которые Москва использовала в качестве предлога к началу военных действий. Дипломатическая подготовка военных действий, начатых 30 ноября, была молниеносной — 28 ноября СССР денонсирует Пакт о ненападении, а 29 ноября разрывает дипотношения с Финляндией. Пропагандистское же обеспечение финской кампании оказалось не на высоте. Созданное в Москве правительство О. В. Куусинена вряд ли могло развеять сомнения в своем марионеточном характере. При этом цель его «изобретения» была мгновенно подтверждена, когда в «договоре» от 2 декабря оно удовлетворило все требования СССР⁷¹.

Финская кампания по мере своего разрастания получала все более широкий и невыгодный СССР международный резонанс. 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги наций. В феврале 1940 г. Москву покинул британский посол. Всего за полгода СССР прошел путь от переговоров по созданию союза с западными демократиями, к союзу против СССР, который были готовы создать Лондон, Париж и Вашингтон для предотвращения дальнейшей эскалации конфликта. С информационно-пропагандистской точки зрения финская кампания проигрывала даже польской кампании Германии, которая была осуществлена в очень краткие сроки. Советский Союз только ценой значительных потерь через три месяца упорных боев прорвал «линию Маннергейма». Весьма ощутимым оказался удар по имиджу Красной Армии как надежного военного партнера для западных демократий и как реальной устрашающей силы для Германии. В результате СССР все-таки удовлетворил свои основные требования, но их цена оказалась слишком высокой. 12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор, которым весь Карельский перешеек передавался Советскому Союзу. Хельсинки также уступал полуостров Ханко в аренду сроком на 30 лет. Позднее была достигнута договоренность о демилитаризованном статусе Аландских островов. «Зимняя война» повлекла за собой подписание в сентябре 1940 г. германо-финское секретное соглашение о войне против СССР. Вступление Финляндии в войну против СССР в 1941 г. стало прямым нарушением советско-финского мирного договора.

Таким образом, «включить Финляндию в советскую сферу влияния не удалось. Наоборот, «зимняя война» породила в правящих кругах и обществе Финляндии настроения реваншизма, усилила враждебность к Советскому Союзу.

Присоединение к СССР государств Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины. Тройственный пакт и Советский Союз

Весна 1940 г. преподнесла советскому руководству неприятный сюрприз. С поражением Франции, оккупацией Бельгии, Нидерландов, после Дюнкерской катастрофы становилось все яснее, что агрессия

А. Гитлера на западном направлении вскоре придет к своему логическому завершению и вопрос о том, куда будет повернут маховик германской военной машины, звучал сугубо риторически. Молниеносный поход Гитлера по Европе катастрофически уменьшал надежды И. В. Сталина на выигрыш времени, и он пытается компенсировать это выигрышем территориальным.

С конца мая 1940 г. Москва намеренно акцентирует инциденты между советскими военнослужащими и литовским населением, а 25 мая литовскому послу делается официальное представление по данному вопросу, литовское правительство фактически обвиняется в пособничестве исчезновению двух красноармейцев. Москва постоянно подчеркивала, что все эти действия нарушают дух пакта о взаимопомощи. В связи с пактами о взаимопомощи СССР также постоянно подчеркивал неуместность сотрудничества прибалтийских государств в рамках Балтийской Антанты. Соглашение 1934 г., по мнению СССР, было рецидивом прошлого и могло оказаться источником провокаций против СССР. Особое недовольство выражалось по поводу военного сотрудничества Латвии и Эстонии по договору 1923 г. 14, 15 и 16 июня Литве, Латвии и Эстонии, соответственно, были предъявлены почти идентичные ультиматумы, которые напрямую затрагивали суверенитет этих государств и право их народов самим определять свою жизнь. Для наглядности процитируем «Заявление Советского правительства правительству Латвии», врученное посланнику Латвии Ф. Коциньшу 16 июня: «Правительство СССР считает совершенно необходимым и неотложным:

1. чтобы немедленно было сформировано в Латвии такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-латвийского Пакта о взаимопомощи;
2. чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Латвии советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Латвии в количестве достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-латвийского Пакта...»⁷².

Ответ латвийская сторона должна была дать до 21 часа 16 июня. Учитывая, что заявление было вручено посланнику в 14 часов, то на раздумье и принятие решения, а оно предполагалось только положительным, давалось всего семь часов.

Подобная процедура была предусмотрена и для других государств Прибалтики. Несколько промежуточных бесед глав дипломатических миссий с В. М. Молотовым, в которых национальные правительства пытались минимально оговорить технические детали ввода войск в их государства, не меняли дела в принципе. Ультиматумы были приняты. 15 июня советские войска вошли в Литву, а 17 — в Латвию и Эстонию. Далее в течение месяца последовал период нахождения у власти «переходных

правительств», в которых участвовали как представители местных левых сил, так и часть деятелей старых «буржуазных» правительств. 14–15 июля 1940 г. в этих странах прошли выборы, исход которых был предопределен позицией Москвы. Вновь избранные парламенты обратились с просьбой о принятии их стран в состав Союза ССР. 3–6 августа эта просьба была удовлетворена Верховным Советом СССР.

После того как вопрос с Прибалтикой был в основном разрешен, сталинское руководство обратилось к другой территории, зафиксированной в секретном протоколе от 23 августа 1939 г., — Бессарабии. При этом Москва неожиданно для Германии зависила свои требования и потребовала присоединения еще и Буковины. Это вызвали раздражение в Берлине, так как ситуация с Прибалтикой показала, что СССР умеет быстро и эффективно воздействовать на своих соседей. При этом Румыния, в отличие от Прибалтики, носила для Германии стратегический характер — отсюда осуществлялись поставки нефти. В результате СССР ограничил свои требования по Буковине только ее северной частью, где проживало значительное число этнических украинцев. 26 июня 1940 г. Москва предъявила ультимативные требования к Румынии. Опасаясь неконтролируемого развития событий, Берлин в свою очередь посоветовал румынскому правительству удовлетворить требования СССР. 28 июня части Красной Армии вступили на румынские территории и к 1 июля вышли к новой государственной границе. Большая часть присоединенных территорий была отнесена к Молдавской АССР (находилась в составе УССР), которая 2 августа была преобразована в союзную республику (при этом Северная Буковина была включена в состав Украинской ССР).

Таким образом, к августу 1940 г. Советский Союз в основном приобрел те территориальные очертания, которые сохранялись вплоть до его распада в 1991 г. С точки зрения выигрыша в той конкретной ситуации, СССР получал территориальную «подушку безопасности», но ограниченность времени до нападения Германии в июне 1941 г. не дала реальной возможности осуществить долгосрочные меры по военно-стратегическому развитию присоединенных территорий.

Восточная Европа во внешней политике СССР

Страны Восточной Европы, как представляется, были наиболее слабым звеном Версальской системы. И это неудивительно. Молодые государства, которые к 1939 г. отметили двадцатую годовщину самостоятельного существования, возникли в ходе распада четырех империй, спровоцированного Первой мировой войной. Как правило, скоротечное государственное строительство оборачивается серьезными проблемами. Буквально все страны Восточной Европы и Балкан имели территориальные претензии к друг у другу или, как минимум, плохо скрываемое недовольство тогдашней политической картой. Значительные

инородные этнические «вкрапления» как результат долгого проживания в рамках единых империй были характерны практически для всех новых государств. Молодая национальная элита, прежде всего на «южном фланге», была чрезвычайно зависима в своих действиях от «великих держав».

Характерной чертой для всех стран региона было то, что в период, как минимум, до первой половины 1930-х годов они играли роль лимитрофов СССР, весьма прохладно настроенных по отношению к Москве. Период относительно нормальных отношений с этими странами Советского Союза был сравнительно краток — около пяти лет. Соответственно, отсутствовали отработанные сценарии взаимодействия, понимание интересов друг друга, возможностей и глубины потенциальных компромиссов. Еще одной характерной особенностью этих стран является то, что именно они стали зоной приложения интересов и первыми жертвами территориальной экспансии Италии и Германии. Также и для СССР: ликвидация лимитрофного пояса и создание на его территории зоны безопасности становилась одной из важнейших задач. Вместе с тем, представлять Восточную Европу и Балканы исключительно жертвами начинавшегося мирового конфликта неправильно. Именно они, исходя из своих узких субрегиональных задач, тормозили планы стабилизации европейской ситуации в целом. Позиция Польши во второй половине 1930-х гг. служит ярким подтверждением этого тезиса.

Отечественные историки дипломатии и внешней политики освещают польский сюжет, как правило, лишь до окончания боевых действий и фактического раздела территории Польши между Германией и СССР. Вместе с тем, и в дальнейшем польский вопрос сохранял свою значимость в отношениях Москвы и Берлина. Польша стала, как представляется, важным психологическим моментом в формировании негативного имиджа нацистского режима, в том числе среди советских дипломатов. Так, в дневнике «Советской делегации в Центральной Смешанной СССР и Германии Пограничной Комиссии», который вел начальник Центральноевропейского отдела НКВД А. М. Александров звучит растерянность и тревога за будущее. «При поездке по улицам Варшавы наблюдается жуткая картина разрушения: нет почти ни одного дома, который бы не имел повреждений... В скверах и на улицах замечено большое количество свежих могил... В городе сохраняется военное положение; движение разрешено до 19 часов...». Интересно и такое наблюдение Александрова: «На всех улицах, на уцелевших зданиях... расклеены плакаты, изображающие на фоне развалин, трупов, потоков крови фигуру окровавленного польского солдата и Чемберлена, потирающего окровавленные руки... Надпись на польском языке: „Англия — твоё дело“»⁷³. Кто бы ни был автором этого плаката, в очень значительной степени он был прав. Другое дело, что рядом с Чемберленом можно было бы

поставить и польских руководителей, прежде всего Ю. Бека, а может быть, и советских.

Одной из проблем, которыми каждодневно приходилось заниматься НКВД, была проблема взаимного переселения уроженцев Западных Украины и Белоруссии с территории, подконтрольной немцам, на советскую территорию и наоборот, немецкого населения и немецких граждан с советской территории вновь присоединенных областей. Проблема переселенцев из Польши была очень многогранной и зачастую выходила далеко за пределы собственно западноукраинских и западнобелорусских земель. Так, управляющий Генконсульством СССР в Данциге М. Коптелов инициативно докладывал В. М. Молотову, что «4 ноября генконсульство СССР в Данциге посетила делегация от бывших польских граждан, урожденных в Западной Украине и Западной Белоруссии, выехавших до войны на заработки в различные части бывш. Польши и очутившихся теперь на немецкой территории с просьбой взять под защиту украинцев, белоруссов, поляков уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии, которые желают как можно скорее вернуться к себе на родину... В бывшем польском городе Гдыня... стихийно образовался комитет по возвращению на родину украинцев, белоруссов, поляков и евреев... В этом комитете на 4.11.39 г. зарегистрировалось уже 1217 человек... и делегация принесла этот список с собственноручными подписями регистрирующихся. Регистрация продолжается... В настоящее время они не имеют ни работы, ни средств для своего существования... В последнее время им даже начинают отказывать в продаже съестных продуктов под предлогом, что они продаются только для немцев и немецких граждан. ...Они слезно просят и молят, чтобы советское генконсульство в Данциге взяло их и их имущество под защиту и оказало им хоть какое-нибудь содействие. Сами они теперь считают себя советскими гражданами... Местные власти им заявляют, что если Советский Союз пропустит их через границу и возьмет под свою защиту, то они предоставляют все транспортные средства для отправки их на родину». Далее М. Коптелов прямо заявляет, что, кстати, нехарактерно для документов идущих начальству в молотовский период, — «Мой вывод: всех украинцев, белоруссов, поляков, евреев, уроженцев с Западной Украины и Западной Белоруссии... нужно как можно скорее эвакуировать». Самой последней строчкой в виде своеобразной приписки к этому весьма эмоциональному для служебных документов тексту значится: «Прошу Вас, тов. Молотов, указать — как нам поступить в этом вопросе»⁷⁴. На документе нет резолюции «тов. Молотова».

По целому ряду причин в отечественных исследованиях по внешней политике было не принято подробно освещать и словацкий сюжет в период 1939–1941 гг. Вместе с тем, он очень показателен и содержит некие дополнительные нюансы для по-

нимания уже послевоенной Чехословакии и современной Словакии.

Под влиянием общего курса на сближение с Германией меняется отношение СССР к Словакии. До этого Москва старалась игнорировать наличие этого государства. Так, при М. М. Литвинове НКВД не шел на какое-либо подтверждение полномочий представителя несуществующей Чехословакии. Но Москва «не замечала» и обращений Германии о передаче ей полномочий чехословацкого посольства в СССР, равно как и официального уведомления о создании Словацкого государства⁷⁵. СССР исходил из того, что «мы сообщили немцам о нашем принципиальном отношении к захвату Чехословакии. Нужно выдерживать эту позицию, пока возможно без серьезных затруднений»⁷⁶. Москва продолжает контакты с Э. Бенешем, причем зачастую они носят публичный и даже невольный (или намеренный?) демонстративный характер. Подобную позицию, кроме СССР, позволяли себе только США. Так, на церемонии открытия чехословацкого павильона на международной выставке в Нью-Йорке 31 мая 1939 г., которая фактически превратилась в поддержанный Госдепом США про-чехословацкий митинг, советский полпред К. А. Уманский был единственным иностранным дипломатом⁷⁷.

Сохранение связей с чехословацкой эмиграцией еще сыграет свою службу в установлении дружественного СССР режима в послевоенной Чехословакии. В период же 1939–1941 гг. сохранение таких, явно раздражавших Берлин (нового партнера СССР!) контактов можно объяснить факторами политико-психологического характера. В свое время именно Чехословакия была наиболее активным сторонником советской внешней политики в Центральной и Восточной Европе, тесные контакты И. В. Сталина и Э. Бенеша по-прежнему помнили в Москве. Тем более, что Бенеш при своих встречах с советскими представителями в США и Великобритании по-прежнему предлагал свои услуги в таких чувствительных сферах, как, например, обмен развединформацией.

Подписание советско-германского договора 23 августа 1939 г. делает признание Словацкого государства логичным. Само признание марионеточного государства в условиях, когда вы согласовываете с его «патроном» свои внешнеполитические шаги, дело обыденное. Столь же обыденно это и произошло. В телеграмме полпреда СССР в Германии А. А. Шкварцева сообщалось, что «посланник Словакии Черняк 14 сентября при своем визите ко мне обратился с официальным предложением от своего правительства о признании нами Словакии и установлении с ней дипломатических отношений. Прошу указаний...». На телеграмме В. М. Молотов поставил односложную резолюцию — «Признаем»⁷⁸. 16 сентября 1939 г. СССР признал правительство Й. Тисо, советский полпред Г. М. Пушкин пробыл в Словакии недолго — с января 1940 по июнь 1941 г. Нападение Германии на СССР

прекратило отношения с режимом, установленным весьма сомнительным образом, — Москва разорвала дипотношения с Братиславой 23 июня 1941 г.

Имело ли смысл установление отношений с подобным режимом? Стратегически, наверное, нет. Чисто прагматически — да. К осени 1939 г. Москва лишилась своих представительств в Вене, Праге и Варшаве, что реально осложняло задачу отслеживания ситуации в регионе. Вместе с тем, установление отношений с Братиславой, при молчаливом признании (об обратном публично не было заявлено) того, что Германия представляет в Москве интересы «протектората Богемия и Моравия»⁷⁹, ставило перед СССР вопрос о поддержании отношений с Временным правительством Чехословакии, которое было сформировано в Лондоне в июле 1940 г. и явилось преемником Чехословацкого национального комитета, учрежденного в Париже в ноябре 1939 г. Проблема состояла в том, что в Москве продолжало работу Чехословацкое посольство под руководством З. Фирлингера. В своей записке И. В. Сталину от 23 марта 1939 г. М. М. Литвинов констатировал, что «хотя мы заявили, что не признаем законности аннексии Чехословакии, нам все же де-факто придется ее признавать и сноситься по чешским делам с Германскими властями. Придется, очевидно, ликвидировать наше полпредство в Праге»⁸⁰. Полпредство 25 марта 1939 г. преобразовали в Генконсульство⁸¹, а в Москве З. Фирлингер оставался на правах представителя «какого-то символического государства и правительства», которому пообещали, что «его пока трогать не будем, а дальше посмотрим»⁸². Миссия Фирлингера была завершена с прибытием в Москву 11 декабря 1939 г. словацкого посланника. «14 декабря заведующий протокольным отделом НКВД В. Н. Барков... вызвал к себе Фирлингера и сообщил ему, что с 1 января 1940 г. истекает срок аренды занимаемого им особняка...»⁸³. Таким образом, московское руководство сделало свой выбор в пользу официальных отношений со Словакией.

Для чего собственно Москве нужны были отношения, кроме уже упомянутого канала информации? Словакия — пример, когда советская внешняя политика пытается играть на чужом поле, в чужой зоне интересов. Сначала, действуя сообразно логике курса на сближение с Германией, СССР формально выходит на дипломатические отношения. Вместе с тем советскому руководству становится ясно, что под эгидой марионеточного режима Й. Тисо уживаются различные политические силы. Силы, которые не могут, открыто сопротивляться Германии, но, желая большей самостоятельности, могут поспособствовать расширению советского влияния на эту страну. В такой ситуации советской дипломатии можно было уже ставить задачу превращения Словакии из марионеточной в нейтральную или буферную страну. Это было очевидно внимательным наблюдателям, тот же З. Фирлингер писал Э. Бенешу: «Признав сегодня „самостоятельную Словакию“, Союз намерен

в подходящий момент занять место немецкого протектората...»⁸⁴. Другое дело, что это было очевидно и немцам. Братислава со своей стороны также пыталась использовать Москву в своих внешнеполитических комбинациях, связанных, прежде всего, с Венгрией, где наиболее «популярным сюжетом» был вопрос о Карпатской Украине. В целом, попытки втянуть Советский Союз в субрегиональные игры Братиславы оказались безуспешными. СССР не мог позволить себе серьезно заниматься столь тонкими интригами на второстепенном для него направлении.

Небезынтересна позиция Э. Бенеша по поводу Прикарпатской Руси. 30 мая 1939 г. в Нью-Йорке «в небольшой, довольно бедной гостинице близ Колумбийского университета» по инициативе Бенеша произошла встреча с советским полпредом в США К. А. Уманским, в ходе которой он заметил, что «в будущем возрожденная Чехословакия должна быть непосредственной соседкой Советского Союза. Он... всегда рассматривал Чехословакию в качестве „депонента“ Прикарпатской Руси, которая по праву так же, как и Западная Украина, должна входить в состав Советского Союза»⁸⁵.

Если до поражения Франции в войне Германия была недовольна, но все-таки допускала наличие просоветских настроений в Братиславе, где представлявшая их «группа Дюрчанского» позволяла себе соперничать с прогерманской «группой Туки-Маха», то в последующем Берлин «закрутил гайки». А в августе 1940 г. немцы назначили В. Тука на пост мининдел вместо Ф. Дюрчанского, а второй «портфель» также принадлежавший ему передали — А. Маху. Символом реализованного прогерманского курса стало присоединение Словакии 24 ноября 1940 г. к Тройственному пакту. С этого момента можно считать, что Словакия была потеряна для СССР. На территории страны были размещены германские части и подразделения, установлен безоговорочный контроль Берлина над военной промышленностью Словакии, над органами полиции и безопасности. Через ее территорию, начиная с декабря 1940 г. германские войска выдвигались дальше — в Венгрию и Румынию. Словакия становилась одним из плацдармов будущей войны против СССР. 22 июня 1941 г. президент Й. Тисо и министр обороны Ф. Чатлош призвали армию выступить на стороне А. Гитлера против СССР. Но словацкий народ своей партизанской борьбой в годы Второй мировой войны продемонстрировал, что он не желает следовать на поводу у заблудших «отцов нации».

Советско-японский пакт о нейтралитете:

дипломатическая победа кануна большой войны
В отличие от европейского, дальневосточное направление внешней политики СССР по объективным результатам, достигнутым в период 1939–1941 гг, можно оценить более однозначно и, несомненно, положительно. Несмотря на удаленность региона от военно-промышленной базы страны, советское

руководство смогло создать мощный военный щит на дальневосточных рубежах, который сыграл свою роль и в проведении собственно внешнеполитических мероприятий. Проверки СССР на прочность у озера Хасан летом 1938 г. и во время «малой войны» в районе реки Халхин-Гол, продолжавшейся с мая по сентябрь 1939 г., показали, что Москва умеет и не боится применять вооруженные силы для отстаивания своих интересов.

Позиции СССР на Дальнем Востоке опирались на безоговорочные союзнические отношения (фактически — отношения протектората) с Монгольской Народной Республикой и Тувинской Народной Республикой. Фактический контроль СССР над Сынцзяном также не мог эффективно оспариваться никем из региональных игроков. Япония, втянувшаяся в китайский конфликтный котел, при всем своем желании не могла сконцентрировать свои внешнеполитические и военные усилия на противостоянии СССР. Как ни странно, именно на Дальнем Востоке политика сговора с потенциальным агрессором могла оказаться эффективной. Территориально ограниченная и относительно бедная ресурсами Европа, в любом случае подталкивала Германию к агрессии против Советского Союза. Япония же имела более широкий выбор приложения своих внешнеполитических акций. Кроме того, ее политика становилась эффективной, прежде всего, на собственном азиатском направлении, где могла быть задействована идеологическая концепция «Азия для азиатов», которая реально помогала борьбе с присутствием старых европейских держав в регионе. Стабилизация советско-японских отношений развязывала руки на еще одном потенциальном направлении — американском.

На протяжении 1940 г. в Москве все более очевидной становилась неизбежность столкновения с Германией, и в такой ситуации любые действия и соглашения, нейтрализующие Японию, были крайне выгодны. Как оптимальную линию СССР выбирает курс на договор о нейтралитете. Дипломатической победой Москвы, плоды которой сохранялись вплоть до 1945 г., стало подписание 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Вместе с ним была подписана и советско-японская декларация о взаимном уважении и территориальной целостности и неприкосновенности границ Монголии и Маньчжоу-Го — то есть имел место некий «мягкий» раздел сфер влияния, сфер, которые де-факто оформились ранее. Как представляется, это была первая после присоединения Бессарабии и Северной Буковины 28 июня 1940 г. и последняя в предвоенный период серьезная дипломатическая победа СССР⁸⁶.

Некоторые выводы

К началу 1941 г. политическому руководству в Москве, НКВД становилось все более очевидным, что следующим объектом агрессии станет именно Советский Союз. Другого варианта просто не было — на

собственно европейском театре А. Гитлер уже решил все возможные, «решаемые» задачи. Весной и в начале лета 1940 г. после непродолжительного сопротивления капитулировали Нидерланды (14 мая), Бельгия (28 мая), Норвегия (9 июня). 22 июня 1940 г. главная континентальная сила сопротивления нацистской Германии — Франция — подписывает Компьенское перемирие, коллаборационистский режим Виши контролирует незанятую агрессором и его сателлитами территорию страны. Далее Германия начинает «подбираться» к границам СССР — 22 сентября ею заключается с Финляндией соглашение об участии Финляндии в войне против СССР. 27 сентября следует акт консолидации агрессоров — подписание Тройственного пакта.

К концу лета 1940 г. Германии стало очевидно, что дальнейшая активная внешняя политика невозможна без обновления правовой базы сотрудничества с союзниками и сателлитами. Антикоминтерновский пакт уже устарел, кроме того, его «дух» был сильно подорван сотрудничеством Берлина и Москвы. Значительную роль в продвижении нового соглашения играла Япония, которая хотела иметь определенные союзнические гарантии на случай войны с США. Есть также мнение, что «сверхзадачей германской дипломатии было объединить все тоталитарные государства, включая Советский Союз, на базе противостояния с Великобританией и США»⁸⁷. Хотя эта интерпретация, скорее всего, основана на тех шагах, которые предпринимал СССР в процессе зондажа характера и направленности Тройственного пакта. В результате выяснилось, что соглашение на базе Тройственного пакта не может удовлетворить интересов СССР. Равно как и интересы СССР в случае их учета в тексте пакта нивелировали бы изначальный замысел пакта.

Выдвижение нацистской военной машины к границам СССР продолжается — 7 октября 1940 г. немецкие войска вводятся в Румынию. В ноябре, 20 и 23 числа соответственно, Венгрия и Румыния присоединяются к Тройственному пакту. Блок против СССР почти сколочен. 1 марта 1941 г. к нему присоединяется Болгария — можно приступить к военному планированию. 18 декабря принимается план ведения войны против Советского Союза — «план Барбаросса».

Только слепой мог не замечать подобного развития событий. Политическое руководство в Москве слепым не было, но оно не видело для себя разумного сценария поведения в такой ситуации — кроме как не провоцировать А. Гитлера. К сожалению, особого выбора, у И. В. Сталина, в отличие от 1939 г., в конце 1940-го — первой половине 1941 г. не было. Континентальная Европа уже была под контролем Гитлера, Муссолини и Франко. В такой ситуации даже во главе с анти-мюнхенцем У. Черчиллем Великобритания оказывалась слабым военным союзником. США, готовые к активному участию в дипломатической фазе европейского конфликта в 1938–1939 гг.⁸⁸, не были готовы к втягиванию в европейские военные

действия, что было практически неизбежным для приостановки агрессоров в 1941 г. Кроме того, в то время как Германия активно собирала в кулак своих союзников и сателлитов, СССР по-прежнему боялся сделать лишний шаг в сторону Лондона.

Здесь показательна реакция Москвы на предложения британского правительства (письмо Черчилля), доведенные до Сталина через посла С. Криспса. Сталин идет на беспрецедентный с августа 1939 г. шаг — напрямую встречается с британским послом и вместе с тем доводит содержание британских предложений до Берлина⁸⁹. Что это — демонстрация лояльности советско-германскому сотрудничеству или попытка поугубить Германию советско-британским сближением? По сути, уже не важно, что стояло за этой хитрой тактикой, — важно, то, что СССР опять отказался пойти на взаимодействие с Великобританией, формы которого, характер (в том числе до определенных пор, возможно, и скрытый) можно было бы оговорить с Лондоном. Сталин же исходил из другого. Он полагал «еще преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию это еще не значит господствовать в Европе... Что же касается субъективных данных о пожеланиях господства в Европе... он такого желания со стороны Германии... не замечал...»⁹⁰.

Возможные позитивные шаги Москвы были ограничены акциями такого порядка, как снятие напряженности по азиатскому периметру СССР, прощупывание позиций Великобритании и США в случае широкомасштабного конфликта, оценка заинтересованности тех или иных сателлитов Германии в открытом конфликте с СССР, масштаба и направления их участия и т.п. Другими словами, в декабре 1940 — июне 1941 г. международная ситуация сложилась таким образом, что СССР потерял возможность эффективного внешнеполитического маневра. Подготовка народного хозяйства к войне, укрепление Красной Армии и другие меры внутреннего характера были единственно доступной возможностью укрепления собственной позиции. Произнесенная в «закрытом» режиме 5 мая 1941 г. но быстро ставшая предметом дипломатических пересудов речь И. В. Сталина перед выпускниками военных академий ориентировала командиров РККА именно на такой сценарий. Лейтмотивом этой речи была угрозы со стороны Германии и необходимость в ответ на это укрепления советских вооруженных сил. «Чтобы готовиться хорошо к войне, — отмечал Сталин наряду с этим, — не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически... Политически подготовить войну — это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников из нейтральных стран. Германия, начиная войну, с этой задачей справилась, а Англия и Франция не справились с этой задачей»⁹¹.

К числу «не справившихся», к сожалению, можно отнести и Советский Союз.

Artem V. Malgin. The Soviet Foreign Policy and the People's Commissariat of Foreign Affairs in May 1939 — June 1941: New Tactics or a Strategic Miscalculation?

The article deals with the foreign policy of the Soviet Union on the eve and in the first two years of the Second World War. The author not only provides an overview of Soviet diplomatic strategy of that period, but also describes the situation inside the People's Commissariat of Foreign Affairs (NKID) and analyzes the outcome of the steps taken by the USSR in the international arena.

1. Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин; отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: МГИМО, 1997. С. 202.

2. Там же. С. 201–202.

3. Там же. С. 205.

4. Интересную характеристику английским «умиротворителям» дал президент Ф. Рузвельт на частном обеде с полпредом К. А. Уманским 30 января 1939 г.: «Должен сообщить Вам по секрету и прошу не разглашать вне семейного круга: правительство Англии заболело тяжелым психическим заболеванием, среди них повальная эпидемия политического самоубийства. Кто этого не знает, тот ничего в английской политике не понимает» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Л. 35). К сожалению, эпидемия умиротворения правила бал в британских правящих кругах вплоть до осени 1939 г. Да и позднее ее рецидивы проявлялись в деятельности Н. Чемберлена и Э. Галифакса.

5. Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х годов С. 207.

6. «О внешней политики Советского Союза». Речь В. М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. (Там же. С. 221).

7. Жизненное пространство — нем.

8. Официально назначение В. М. Молотова было оформлено указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1939 г. (см.: ДВП. Т.ХХП. Кн. 1. С. 327). Заметим, что в 1949 году назначение А. Я. Вышинского министром иностранных дел было воспринято как сигнал к завершению политической карьеры Молотова.

9. Цит. по: Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. С. 362.

10. Указанные лица прибыли в здание НКВД утром 4 мая и участвовали в своеобразном представлении руководящего состава наркомата В. М. Молотову. Процедура происходила в форме индивидуальных бесед, а точнее — ответов на вопросы прибывших. При этом присутствовал и М. М. Литвинов. Подробнее см.: Роцин А. А. НКВД в 30-е годы // Дипломатический ежегодник. М., 1995.

11. В. Г. Деканозов «в 1939 г. всего несколько месяцев руководил 5-м отделом ГУГБ (внешняя разведка — А. М.)... Разведки он не знал. Это скоро стало ясно всем, в том числе и руководству страны...» (Очерки истории российской внешней разведки. В шести томах. М., 1997. Т. 3. С. 17.

12. Телеграмма генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина Я. З. Сурицу, И. М. Майскому, К. А. Уманскому, А. Ф. Мерекалову, Л. Б. Гельфанду, К. А. Сметанину, В. К. Деревянскому, К. Н. Никитину, И. С. Зотову, П. П. Листопаду, В. П. Потемкину, О. И. Никитниковой от 3 мая 1939 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп.1. П. 313, Д. 2154. Л. 45.

13. Цит. по: Российская дипломатия в свете мирового и исторического опыта. Ученые записки / Под ред. В. М. Матвеева, И. Г. Усачева; МГИМО МИД России. М., 1996. С. 62–63.

14. Если верить книге Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (М., 1991), сам В. М. Молотов говорил, что «у нас централизованная дипломатия... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат» (С. 99).

15. Как писал в своей статье о Вышинском его бывший помощник, известный дипломат, а впоследствии заведующий кафедрой и профессор МГИМО И. Г. Усачев «[Вышинский] не зарекомендовал себя как большой специалист по переговорам, где требуется вдумчивость, умение анализировать, разгадывать ходы противника, видеть пределы возможных уступок с его стороны и чувствовать, где нельзя переходить рубеж» (Усачев И. Г. Последняя роль (воспоминания дипломата) // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М.: Республика, 1992. С. 381). Еще более определенно о Вышинском высказывался А. А. Громыко: «Дипломатии он никогда не учился и фактически к ней не приобщился... Я должен со всей ответственностью заявить, что фигура Вышинского: зловещая» (Громыко А. А. Памятное. М.: Политическая литература, 1990. Т. 2. С. 511).

16. Ситуацию, сложившуюся в НКВД с кадрами, М. М. Литвинов подробно изложил в записке адресованной И. В. Сталину 3 января 1939 г.: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Если не вернется в Тегеран находящийся сейчас в СССР т. Черных, то получится 10-я вакансия. В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений... Благодаря отсутствию полпреда в Бухаресте мы не имеем решительно никакой информации о том, что происходит в Румынии... С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет... Не лучше обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников — 9, секретарей — 22, консулов и вице-консулов — 30 и других политических работников полпредств (заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств) — 46.

Некоторых полпредов мы не можем вызывать в Москву во исполнение решения ЦК, ввиду отсутствия у них работников (в Афинах у полпреда нет ни одного человека) или таких, которым можно было бы поручить хотя бы временное

заведование полпредством. Я уже не говорю о свободных вакансиях ответственных работников в центральном аппарате НКВД. Достаточно сказать, что из 8 отделов только 1 имеет утвержденного заведующего, а во главе остальных 7 находятся врио заведующих. Нет в НКВД, и в особенности в полпредствах, необходимого технического персонала... Со вчерашнего дня пришлось приостановить курьерскую службу, так как 12 курьерам не разрешают выезд за границу до рассмотрения их личных дел.

Такое положение создалось не только вследствие изъятия некоторого количества сотрудников НКВД органами НКВД. Дело в том, что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники не получают разрешения на обратный выезд. Не получают разрешения на выезд за границу также большинство работников центрального аппарата НКВД. Немалое количество работников исключено парткомом из партии в порядке бдительности. Другие устранились от секретной работы («рассекречиваются»), а следовательно, теряют для НКВД всякую ценность по распоряжению 7-го Отдела НКВД. Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей. Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем. Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через полтора-два года...

Можно было бы свернуть полпредскую сеть... Но это даст не очень большую экономию, ибо придется иметь во всех столицах, по крайней мере, консульства. Да и политически вряд ли это удобно, ибо усилились бы толки о нашей самоизоляции и т.п.» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2, Д. 2. Л. 4–7).

Остается дополнить, что репрессии продолжались и к маю 1939 года положение стало еще хуже.

17. Дипломатический ежегодник. 1989. М., 1990. С. 499–500. Так, в цитируемых словах начальника ИДУ МИД СССР Ф. Н. Ковалева констатируется: «Установлено, что в 30-е — 50-е гг. репрессиям подверглись... по крайней мере 44 полпреда и 24 заведующих отделами».

18. Из отчета начальника разведки П. М. Фитина о работе за 1939–1941 гг.: «...К началу 1939 г. в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного раздела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого Отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном» (Очерки истории российской внешней разведки. В шести томах. М.: Международные отношения, 1997. Т. 3. С. 16–17).

19. Институт (сначала курсы) был учрежден в 1934 г., а в 1936 — состоялся его первый выпуск. Из 30 выпускников только 16 были направлены на работу в НКВД (Дипломатический ежегодник. М., 1994. С. 195).

20. Селянинов О. П. Тетради по истории дипломатической службы государств. М.: МГИМО, 1992. С. 131–132.

21. Архивно-справочная библиотека ИДУ МИД СССР. Оп. 33. П. 10. Д. 26. Л. 2–3.

22. Там же. Л. 4.

23. Там же.

24. Там же. Л. 7.

25. Структура Генерального секретариата и должность генерального секретаря в системе внешнеполитического ведомства несколько раз ликвидировались и восстанавливались вновь. После десятилетнего отсутствия они были воссозданы в российском МИДе в 1999 г. В настоящее время в ведении Генерального секретариата находятся секретариаты министра, его заместителей, оперативная информация, информация заграничных учреждений, генеральная инспекция, вопросы координации и работы Коллегии. Кроме того, ГС руководит работой группой советников министра, Департаментом лингвистического обеспечения и учебными заведениями министерства. В какой-то степени статус генерального секретаря российского МИДа аналогичен статус-секретарю МИД Великобритании. Указанные функции Генсекретариат начал аккумулировать еще в 1939 г.

26. См. воспоминания бывшего помощника главного секретаря А. А. Рощина: Рощина А. А. НКВД в 30-е годы. С. 195–212.

27. Селянинов О. П. Тетради по истории дипломатической службы государств. С. 130.

28. В советской дипломатической практике на тот момент еще не установилось четкого разграничения между дипломатическими «классами» и «рангами». В данном случае правильнее говорить о «классах». Эта правовая неточность была исправлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1981 г., где в цитируемый ниже текст было внесено изменение: слово «ранги» заменено словом «классы».

29. До принятия в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. действовавшие в то время положения Венского регламента 1815 г. формально устанавливали, что послами обмениваются только «великие державы» (в 1815 г. это Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия и Франция). Впоследствии в число стран обменивающихся послами вошли США, Испания, Италия, Турция и Япония. Обмен послами между другими государствами или другими государствами и «первоклассными державами» в практике 1920 — 1930-х гг. еще требовал специальных двусторонних соглашений. СССР обменивался (данные на декабрь 1945 г.) полпредами в «ранге» послов с Афганистаном, Бельгией, Великобританией, Голландией, Грецией, Ираном, Италией, Канадой, Китаем, Мексикой, Норвегией, Польшей, США, Турцией, Францией, Чехословакией, Югославией и Японией.

30. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 631. Док. 802.

31. В 1940 г. М. М. Литвинов был выведен из состава ЦК ВКП (б).

32. Меняется стиль общения в самом НКВДе. Вместо привычного при Литвинове демократичного обращения «Дорогой Максим Максимович!» появляется «Многоуважаемый Вячеслав Михайлович!». Пропадает привычное «С тов. приветом», которое зачастую заменяется безликим «Полпред», без указания фамилии.

33. Внешняя политика без самостоятельных и инициативных дипломатов — абсурд. Дипломатия это прежде всего общение. Роль личных контактов, тем более сопровождающихся какими-то неформальными элементами, чрезвычайно важна. Зачастую важную роль играют обычные подарки, которые помогают придать общению необходимую тональность. Так, в письме (почему-то помеченным грифом «Секретно. Лично.») от советского поверенного в делах в Италии Л. Б. Гельфанда секретарю В. М. Молотова говорилось следующее: «Обращаюсь к Вам с просьбой: Чиано, Начальник его кабинета, вице-директор Политического департамента МИД, очень хотят получить хорошие экземпляры наших палехских коробок. Такие подарки нам очень помогают проводить через Министерство разнообразные, интересующие нас вопросы...».
34. Все эти проблемы наиболее ярко были представлены в британском внешнеполитическом сообществе, которое 1930–1940-е гг. оставалось, наверное, самым консервативным, аристократичным и клановым. То, какие это создавало проблемы в адаптации к новым задачам, хорошо прослеживается в книге А. Sampson «Anatomy of Britain» (London, 1962; имеется русская версия). В монографии В. М. Матвеева «Британская дипломатическая служба» (М., 1990) этому посвящена отдельная глава (С. 34–56). Аналогичные проблемы и процессы были характерны для «родственного» ведомству иностранных дел разведывательного сообщества (см.: Филби К. Моя тайная война. М.: Воениздат, 1980. С. 67–84).
35. Здесь есть несколько натянутая, но все же параллель с ситуацией в гитлеровской Германии — когда А. Гитлер избавляется от старых кадров в МИДе и рейхсвере. Хотя это можно считать и конфликтом между аристократическим прошлым и функционерами нового типа.
36. Сообщение ТАСС от 28 марта 1939 года. Цит. по: История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. М., 1945. Т. 3. С. 675.
37. Parliamentary Debates. May 1939. P. 1829–1850. Цит. по: История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. С. 677.
38. Интересно, что первой страной признавшей «европейское приобретение» Италии — Албанию, стала Литва, оказавшаяся в схожей ситуации чуть позднее. Так, в письме от 1 августа 1939 г. поверенный в делах Л. Б. Гельфанд сообщал: «Новый литовский посланник в Риме Лазорайтис вручил на днях здесь вверительные [орфография оригинала; такое написание встречается в переписке и других сотрудников НКВД. — А. М.] грамоты, в тексте которых указан титул не только императора Абиссинии, но и короля Албании. Литва, таким образом, оказалась первой европейской страной, фактически признавшей захват Албании». В постскрипуме Л. Б. Гельфанд добавляет: «Перед уходом диппосла аналогичные вверительные грамоты вручил и новый норвежский посланник» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 10).
39. Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны: Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.) / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: МГИМО — Университет, 1999. С. 16.
40. «Выражение „косвенная агрессия“ относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета». Цит. по: Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 17.
41. Телеграмма полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица в НКВД СССР, 7 июля 1939 года // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 529–530. Док. 415.
42. Там же.
43. Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 18.
44. Цит. по: Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 20.
45. См. там же. С. 21.
46. См. там же. С. 22.
47. Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х гг. С. 209.
48. Французская газета «Републик» от 24 августа 1939 г. Цит. по обзору прессы, присланному из советского полпредства во Франции (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 212. Л. 83).
49. Интервью К. Е. Ворошилова от 27 августа 1939 г. Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х гг. С. 212.
50. Таким красочным термином иногда называли комплекс зданий Лиги наций в Женеве, где сейчас располагается европейская штаб-квартира ООН.
51. Дневник полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского, 24 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 647. Док. 495.
52. Протокол № 477 (б) заседания секретариата ИККИ от 22 августа 1939 г. Присутствовали: тт. Готвальд, Димитров, Куусинен, Мануильский, Марти, Флорин // Архив Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1291. Л. 141–143.
53. Из дневника временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова, 22–25 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 626. Док. 482.
54. Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. Институт славяноведения РАН. М.: Индрик, 1999. С. 149.
55. Подробнее см. там же. С. 92.
56. Там же. С. 92–93.
57. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в НКВД СССР 24 августа 1939 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2046. Л. 241–242.

58. Переводчик и референт В. М. Молотова, а с 2 сентября 1939 г. — 1-й секретарь полпредства СССР в Германии. Несмотря на молодость и формально невысокий пост, его знал и ценил И. В. Сталин.
59. Текст приказа был фактически письменной версией очередной бесноватой речи фюрера и не соответствовал параметрам военного приказа. Возможно, именно поэтому в основном тексте записки В. Н. Павлов не отразил начала войны — он просто не понял содержания переданного ему документа, а Г. Хильгер его не расшифровал. В приказе говорилось: «Польское государство отклонило мирное урегулирование соседских отношений, к которому я стремился. Вместо этого оно апеллировало к оружию...» и т.п. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Л. 21. Если в этом приказе вместо слово «Польша» во всех обвинениях поставить слово «Германия», тогда бы этот текст полностью соответствовал истине.
60. Там же. Л. 20.
61. В документах 1930-х гг. он часто называется «Гшибовским», что является неправильной транскрипцией польской орфографии. Именно такое написание присутствует в оригинале адреса ноты, врученной послу 17 сентября 1939 г.
62. Запись беседы зам. наркоминдела В. П. Потемкина с Послом Польши в СССР В. Гжибовским // ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 94. Д. 596.
63. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 205 (лист не пронумерован. — А. М.).
64. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 96. Док. 598.
65. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 189.
66. Там же.
67. Текст договора цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х с 1940-х гг. С. 216.
68. ТАСС, служебный выпуск. «Речь Президента Латвии Ульманиса, произнесенная 12 октября 1939 г. г. Рига.» // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 3. Д. 22. Л. 52.
69. Там же. Л. 56.
70. Там же. Л. 48.
71. *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 41.
72. Цит. по: Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-х — 1940-х гг. С. 226.
73. АВП. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 75. Л. 75–83.
74. Там же. Л. 12–13.
75. Там же. П. 1. Д. 214. Л. 1.
76. Из резолюции замнаркоминдел В. П. Потемкина от 13 июня 1939 г. Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 208.
77. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 121–134.
78. Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 294. Д. 2037. Л. 65.
79. 9 мая 1939 г. Полпредство СССР в Германии получило ноту германского МИДа, в которой говорилось, что в соответствии с указом «фюрера и рейхсканцлера» от 16 мая 1939 г. «все внешние сношения протектората осуществляются Германской империей» (Там же. Ф. 011. Оп. 4. П. 28. Д. 68. Л. 9).
80. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 220. Док. 168.
81. Там же. С. 226. Док. 174.
82. Письмо М. М. Литвинова в Прагу от 28 марта 1939 г. Цит. по: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. С. 208.
83. Там же. С. 214.
84. Там же. С. 212.
85. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 121–134.
86. Как представляется, интересная и новая, хотя и спорная версия дополнительных мотиваций подписания советско-японского пакта приводится А. Д. Богатуровым в «Системной истории международных отношений». В первом томе на с. 400 автор пишет: «В апреле 1941 г. и даже позже Сталин не исключал возможности если не принципиального соглашения, то хотя бы частичного компромисса с Германией, который... обеспечил бы СССР отсрочку для подготовки к войне. Договор с Японией в этом смысле давал некоторые возможности. Москва пыталась политически обыграть факт заключения договора с Токио как свидетельство косвенного подключения к сотрудничеству на основе Тройственного пакта».
87. Системная история международных отношений. 1918–2000. В 4-х т. Т. 1: События. 1918–1945 / Под ред. А. Д. Богатурова; Научно-образовательный форум по международным отношениям; Московский общественный научный фонд; Институт США и Канады РАН; Факультет мировой политики Государственного университета гуманитарных наук. М.: Московский рабочий, 2000. С. 392.
88. Другое дело, что их участия ни Москва, ни Лондон с Парижем, ни, разумеется, Берлин не хотели.
89. ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 394–400. Док. 240. Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р. С. Криппсом в Кремле 3 июля 1940 г.
90. Там же.
91. Там же. Кн. 2. Ч. 2, С. 648–651. Док. 812.